SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Н. А. Холодковский
  -
  - Предисловие
  - Глава I. Детство и ранняя юность (1749—1765)
  - Глава II. Студенческие годы (1765—1771)
  - Глава III. Франкфурт и вецлар (1771—1775)
  - Глава IV. Первые десять лет жизни Гёте в Веймаре (1775—1786)
  - Глава V. Путешествие в Италию и первые шесть лет по возвращении (1786—1794)
  - Глава VI. Гёте и Шиллер (1794—1805)
  - Глава VII. Гёте в последней трети своей жизни
  - Глава VIII. Гёте как человек и деятель
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Н. А. Холодковский
Гёте. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк Н. А. Холодковского

С портретом Гете, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Жизнь Гёте настолько богата событиями, впечатлениями и кипучей деятельностью, что, по мнению лучших биографов его, до сих пор еще не существует ни одного достаточно полного и вполне удовлетворительного жизнеописания великого человека. Тем менее может претендовать на это краткий биографический очерк, задачею которого должен быть лишь добросовестный обзор главнейших событий в жизни Гёте и хода его умственного развития, а также сжатая, но по возможности полная общая характеристика его как человека и деятеля. Предлагаемый очерк состоит из восьми глав, из которых первые семь посвящены собственно жизнеописанию великого поэта, а восьмая заключает в себе посильную характеристику его личности. В нескольких местах приведены выписки из стихотворений Гёте в переводе составителя этой биографии.

Из огромной литературы, посвященной Гёте и его произведениям, укажем на следующие сочинения:

1. *Goethe.* Wahrheit und Dichtung meines Lebens. В русском переводе эта автобиография Гёте помещена в X томе гербелевского издания сочинений Гёте под заглавием «Поэзия и правда моей жизни».

2. *Viehoff.* Goethe's Leben, Geistesentwicklung und Werke. 4. Bd. 5. Aufl. Stuttgart. 1887.

3. *Düntzer.* Goethe's Leben. Leipzig. 1883.

4. *Lewes.* Life and works of Goethe. 2 vols. London. 1855. Есть русский перевод со второго английского издания (Жизнь В. Гёте. Соч. Льюиса, пер. Неведомского. СПб. 1868).

5. *Saupe.* Goethe's Leben und Wirken in chronologischen Tafeln. Gera und Leipzig. 1866.

6. *Grimm.* Vorlesungen über Goethe. Berlin. 3. Aufl. 1882.

7. *Eckermann.* Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. 3. Bd. Leipzig, Reclam's Universal-Bibliothek. В настоящее время вышло на русском языке в переводе г-на Аверкиева.

Глава I. Детство и ранняя юность (1749—1765)

Предки и семья Гёте. – Характеры его отца и матери. – Перестройка дома. – Начало учения. – Религиозные сомнения. – Семилетняя война и французское нашествие. – Быстрое развитие молодого Гёте. – Эпизод с Гретхен. – Переход от детства к юности

28 августа 1749 года было счастливым днем для германской поэзии: в этот день, вместе с последним ударом часового колокола, возвещавшего полдень, явился на свет будущий великий поэт Гёте. Ребенок при рождении едва не задохся, и только усиленные старания окружающих привели его в чувство.

Иоганн Вольфганг Гёте (таково полное имя великого поэта) был первенцем зажиточной и довольно знатной супружеской четы, занимавшей видное место в обществе вольного имперского города Франкфурта-на-Майне. Отец поэта, Иоганн Каспар Гёте, хотя не состоял ни в какой общественной должности, но имел звание имперского советника и был женат на Катарине Элизабет, урожденной Текстор, дочери Иоганна Вольфганга Текстора, который был городским судьей, то есть высшим сановником Франкфурта.

Немецкие исследователи проследили родословное древо фамилии Гёте до середины пятнадцатого столетия. Мы не будем здесь воспроизводить эту генеалогию; укажем только, что фамилия Геце, или Гёте, происходила из юго-западной Германии и имела в числе своих представителей в разное время нескольких поэтов, музыкантов и живописцев. Прадед Вольфганга Гёте (с отцовской стороны) был кузнецом в Артерне, в графстве Мансфельд; сын его Фридрих Георг был портным и приобрел права франкфуртского гражданства; младший сын Фридриха Георга Гёте – Иоганн Каспар – отец нашего поэта.

Отец Гёте был человек с сильным характером, весьма умный и начитанный, по профессии юрист (доктор прав), но с односторонним образованием и с несколько ограниченным кругозором. Путешествие в Италию, которое он совершил на тридцатом году своей жизни, сделало его глубоким почитателем классического мира и искусства; виды Рима постоянно украшали его комнаты и с детства глубоко врезались в память его гениального сына. Любовь к труду, твердость в убеждениях, постоянство симпатий и антипатий, неуклонное преследование раз поставленной цели – вот характерные свойства Иоганна

Каспара Гёте, этого во всяком случае замечательного и достойного, хотя и несколько сухого человека.

Совершенно иным характером отличалась мать великого поэта – Катарина Элизабет Гёте. Веселый, живой и открытый нрав, уменье отыскивать во всем хорошую сторону, неистощимая фантазия – таковы были ее природные свойства. Не получив систематического образования, которое в те времена редко было уделом женщин, она сама образовала и развила себя чтением и посещением театра. Выйдя замуж семнадцати лет за почти сорокалетнего советника, она всей душой привязалась к своему гениальному первенцу и, так сказать, нравственно росла и развивалась вместе с ним. Любимым ее развлечением было рассказывать маленькому Вольфгангу сказки, которые она сама сочиняла; при этом она нередко останавливала рассказ, обещая докончить его на следующий день, чем еще более разжигала интерес ребенка, который носился с предположениями относительно дальнейших событий в сказке. «Свои мысли, – пишет мама Вольфганга, – он поверял бабушке, а та передавала мне, и я применяла продолжение рассказа к его мыслям». Таким путем, следуя своему материнскому инстинкту, она развивала фантазию и поэтические наклонности сына.

Вольфганг горячо любил свою мать и, без сомнения, от нее наследовал лучшие стороны своего душевного склада. Отца он любил менее, хотя и сознавал, что обязан ему многим. Свое отношение к родителям и предкам поэт как нельзя лучше выразил в следующем небольшом стихотворении, чрезвычайно милом и игривом:

Отцу обязан ростом я,
Серьезной в жизни целью,
От матушки – любовь моя
К рассказам и к веселью.
Мой дед красавицам был рад,
И я в том грешен, каюсь;
Любила бабушка наряд,
И я, – не отрекаюсь.
И если в целом части все
Срослись так радикально,—
То вот оно во всей красе:
Что в нем оригинально?

Кроме Вольфганга, у супругов Гёте были и другие дети, которые, впрочем, все умерли весьма рано, за исключением дочери Корнелии. Корнелия, весьма умная, даровитая и живая

девочка, на год моложе Вольфганга, развивалась вместе с братом и горячо любила его. К сожалению, она была некрасива, тогда как Вольфганг был в полном смысле слова красавцем ребенком, с великолепными темно-каштановыми кудрями и большими черными глазами. Из родных в доме жила бабушка (мать отца) – тихая и добрая женщина, которая умерла, когда Вольфгангу было всего пять лет, незадолго до своей смерти подарив детям на елку роскошный кукольный театр, произведший на мальчика громадное впечатление.

Дом, в котором протекло детство поэта, был старый неуклюжий дом, представлявший собою, собственно, соединение двух флигелей. При нем не было сада, взамен которого держали много растений на окнах одной из комнат второго этажа. Эта так называемая *садовая* комната была любимым местом уединенья маленького Вольфганга: из окон ее он смотрел на сады соседей и на равнину, расстилавшуюся за ними, следил за облаками, бегущими по небу, любовался на солнечный закат. Другой любимой комнатой детей, служившей им местом для игр, были обширные сени в нижнем этаже.

В мрачном старом доме тихо протекли первые пять лет жизни поэта. Детские игры, сказки матери, первые уроки чтения и объяснения римских видов из уст отца, который становился словоохотливым, когда дело касалось Италии, – вот все, что наполняло этот ранний период жизни Вольфганга. Со смертью бабушки наступили важные перемены. Прежде всего, отец Гёте приступил к перестройке дома, причем дети получили целый ряд новых впечатлений; наконец пришлось отправить их на время к соседям, а начатое учение продолжать в школе. В этих условиях Вольфганг имел достаточно случаев познакомиться с жизнью вне дома. Франкфурт как старый исторический город со своеобразной физиономией открывал много интересного наблюдательному и любопытному мальчику, который или один, или с товарищами обегал все кварталы и ближайшие окрестности. Лавки, рынок, старинные здания, ратуша, собор, ярмарки, разные городские празднества, носившие средневековый характер, – все это было предметом ненасытного любопытства Вольфганга и производило на него романтическое впечатление.

Наконец дом был перестроен, и молодой Гёте возвратился опять в родное гнездо; возобновилось также и домашнее учение. Мальчик оказывал особенные способности к языкам, хотя грамматики не любил. Он стал много читать и излагал свои мысли письменно, к чему его усердно приучал отец; скоро начал он писать и стихи. Под влиянием чтения всевозможных книг, частью из отцовской библиотеки, частью купленных в лавочках

букинистов, развитие мальчика, приближавшегося к десятилетнему возрасту, быстро шло вперед. Вместе с другими вопросами его волновали и религиозные. Еще в 1755 году, то есть на шестом году жизни, когда пришла страшная весть о Лиссабонском землетрясении, Вольфганг был потрясен мыслью, что при этом Бог наказал одинаково и добрых, и злых; сильно смущало его также существование многочисленных сект, из которых каждая толковала Святое писание и разные религиозные вопросы на свой лад. Гениальному ребенку пришла мысль по-своему приблизиться к Богу, которого он считал стоящим в непосредственной связи с природой. И вот он строит у себя в комнате алтарь из разных естественных произведений и приносит утром жертву, зажигая на этом алтаре курительную свечку. В семилетнем Гёте уже виден был будущий пантеист!

Поэтические наклонности обнаружились в Вольфганге также весьма рано и выразились прежде всего в том, что он, по примеру своей матери, сочинял сказки и рассказывал их своим сверстникам, выдавая плоды своей фантазии за действительность. Из таких сказок сохранилась одна, под названием «Новый Парис» (1760 год), где под именем Париса фигурирует сам Вольфганг. С жадностью читал он также произведения разных поэтов и в особенности восхищался только что появившейся тогда «Мессиадой» Клопштока, к большому неудовольствию отца, который белые стихи даже не признавал стихами.

Мирное течение детских лет поэта было в значительной степени нарушено событиями знаменитой Семилетней войны, которая началась в 1756 году, когда Вольфгангу едва минуло семь лет. Прежде всего обнаружился по этому поводу разлад между семейством Гёте и семьей его знатного деда – городского судьи. Отец Гёте, как и вся его семья, стоял за Фридриха Великого и восхищался его подвигами, а дед был на стороне австрийцев. Вольфганг в качестве старшего внука и крестника по воскресеньям обедал у дедушки и должен был там выслушивать самые оскорбительные отзывы о Фридрихе, которого он глубоко почитал как героя. Это произвело на него очень дурное впечатление: он видел, как люди под влиянием предубеждения не признают даже очевиднейших подвигов и заслуг, и это вселило в него навсегда некоторое недоверие и презрение к мнению толпы. Война между тем разгоралась все более и более, и в 1759 году французы, союзники австрийцев, вступили во Франкфурт. Войска их были размещены на постой в квартирах франкфуртских граждан; в доме Гёте как в одном из лучших домов города занял несколько комнат королевский лейтенант граф Торан. Отец Гёте был крайне раздражен этими событиями, и в течение пребывания

французов во Франкфурте, которое длилось с лишком два года, домашним стоило немалого труда приводить к благополучному концу разные столкновения между хозяином дома и его невольным квартирантом, человеком весьма деликатным и хорошо образованным. Учение детей в этот беспокойный период поневоле должно было почти совсем прекратиться; но Вольфганг сумел извлечь пользу и из этих неблагоприятных обстоятельств. Торан был большой любитель живописи и постоянно заказывал картины французским художникам, превратив комнату Вольфганга в мастерскую для живописцев. Молодой Гёте ознакомился при этом с множеством картин и с техникой живописи, слушал массу разговоров о картинах и таким образом сильно развил в себе художественный вкус. Вместе с тем выучился он и практической французской речи, что было для него достаточно легко, так как раньше он знал уже порядочно латинский и итальянский языки. Изучению французского языка много помогло и частое посещение театра, где давались французские пьесы.

Когда французские постояльцы покинули наконец дом Гёте, учение детей возобновилось и пошло вперед с удвоенной энергией, чтобы наверстать потерянное. Рядом с обучением языкам и прочему не были забыты и искусства, а также и физическое воспитание: Вольфганг усердно учился рисованию, фортепианной игре, верховой езде, фехтованию. Для лучшего усвоения иностранных языков он стал писать роман на разных языках в форме переписки между братьями и сестрами, живущими в разных странах. Жадный до всяческого знания Вольфганг пожелал изучить и древнееврейский язык, для чего стал брать уроки у ректора местной гимназии Альбрехта. Изучение еврейского языка мало удалось ему, но зато он основательно проштудировал Библию, причем, с одной стороны, возбудились в нем с новой силой разные религиозные сомнения, с другой, – возник интерес к жизни древних евреев. Плодом этих впечатлений была эпическая поэма в прозе «Иосиф», не сохранившаяся и не попавшая в печать. В религиозном отношении молодой Гёте был долгое время под сильным влиянием девицы Клетенберг, троюродной сестры его матери. Это была кроткая душа не от мира сего, глубоко нравственная и религиозная без фанатизма. Впоследствии Гёте обессмертил ее, описав ее характер в «Исповеди прекрасной души», составляющей вставной эпизод в его романе «Вильгельм Мейстер». Влияние ее не сделало, однако, Гёте вполне религиозным юношей; привыкнув с малых лет самостоятельно мыслить, он не мог подавить в себе разных сомнений, хотя сильно интересовался религией и писал

даже религиозные оды. К их числу относится сочиненное им в 1762 году стихотворение «Сошествие Иисуса Христа в ад», – самое раннее из сохранившихся для печати стихотворений нашего поэта.

Как видно из всего сказанного, Гёте-ребенок развивался чрезвычайно быстро, чему способствовали, кроме гениальной натуры, и окружающие обстоятельства. Богатый знаниями и состоятельный отец, охотно учивший своего талантливого сына всему, чем тот интересовался, добрая и умная мать, умевшая блистательно развить живую фантазию Вольфганга, близкое знакомство с городской жизнью и с множеством лиц разных наций, возрастов и состояний во время перестройки дома и французского нашествия – все это было в высшей степени благоприятно для многостороннего развития молодого поэта. Следя за его биографией в этот ранний период его жизни, не знаем, чему более удивляться: легкости ли, с какою он усваивал всякие сведения, многосторонности ли его интересов или его гигантской силе воли, с помощью которой десятилетний мальчик достиг весьма порядочного знания языков, искусств и некоторых ремесел, которым он выучился, знакомясь с бедным населением Франкфурта во время своих прогулок по городу и его окрестностям. Всего менее способностей обнаруживал он к математике, которой не любил, всего более – к языкам. Видя раннее развитие Вольфганга, отец начал учить его, в видах подготовки к будущей карьере (ему хотелось, чтобы его сын пошел по стопам отца и сделался юристом), юриспруденции, заставив его для начала выучить юридический катехизис Гоппа.

В конце рассматриваемого нами периода в жизни Гёте случился один эпизод, которым круто обрывается его детство. Эпизод этот – первая любовь четырнадцатилетнего Вольфганга к молодой девушке из мещанского круга, с которою он познакомился через своих сверстников. Дело в том, что юные товарищи поэта, желая воспользоваться его талантом для своих кутежей, доставали ему заказы на разные свадебные, похоронные и тому подобные стихотворения «на случай», которые в то время были в большой моде. Деньги, добытые таким образом, прокучивались сообща. На одном из таких веселых собраний Гёте встретился с миловидною блондинкой лет шестнадцати, по имени Гретхен, которая иногда прислуживала веселящейся компании. Гретхен сразу произвела на него впечатление своею красотой, изящною фигуркой и тем достоинством, с которым она себя держала. Любовь его росла все более и более, и Гретхен также выказывала к нему некоторую симпатию, но вела себя чрезвычайно строго, не позволяя влюбленному мальчику, как и

другим членам компании, никаких излишних вольностей. Наибольшей теплоты достигли их отношения к дню коронации императора Иосифа II, когда Гёте, гуляя вечером по иллюминованным улицам Франкфурта под руку со своей возлюбленной, чувствовал себя наверху блаженства. На прощанье Гретхен поцеловала его в лоб: это был ее первый и последний знак благосклонности к молодому поэту, выраженный в подобной форме, так как им более не суждено было свидеться. На следующее утро встревоженная мать разбудила Вольфганга, приглашая его приготовиться к неприятному допросу со стороны властей, так как оказалось, что общество, в котором он проводил свои вечера, замешано в разных неблаговидных поступках: в подделке векселей и т. п. Дело приняло тем более неприятный оборот, что в числе скомпрометированных молодых людей был один, которому Вольфганг доставил хорошее место через посредство своего деда. Вся эта история очень подействовала на молодого Гёте, и хотя в ходе следствия выяснилось, что он лично ни в чем не виновен и не знал о дурных поступках своих товарищей, однако он подвергся сильному продолжительному нервному расстройству, выразившемуся в припадках меланхолии. Вместе с тем он, однако, сразу излечился от любви к своей Гретхен, когда узнал, что девушка, по ее собственному признанию на суде, относилась к нему как к *ребенку*. Это взорвало самолюбивого мальчика. «Для меня невыносима была мысль, – пишет он в своей автобиографии, – что девочка, имевшая каких-нибудь два года более чем я от роду, могла считать меня ребенком, тогда как себе самому я казался уже ловким взрослым мужчиной». Болезненное состояние Вольфганга побудило родителей взять ему гувернера, с которым он развлекался беседою (речь шла преимущественно о философии, бывшей специальностью гувернера) и прогулками по окрестностям Франкфурта. Мало-помалу Вольфганг приучил своего ментора оставлять его наедине с самим собою и находил утешение в созерцании природы. Дома он привязался всего более к своей сестре, принимавшей в нем самое горячее участие. Наконец здоровье его восстановилось, и в 1765 году отец Гёте мог уже приступить к осуществлению своей заветной мысли о зачислении своего сына в какой-нибудь университет для изучения юридических наук. Вольфгангу хотелось заняться вовсе не юриспруденцией, а филологическими науками: он уже сознавал себя поэтом и питал серьезные надежды на литературную славу. Соответственно этому он стремился в Геттингенский университет, где преподавали лучшие немецкие филологи того времени; но отец был непреклонен и настаивал на том, чтобы Вольфганг

отправился в Лейпциг изучать право. Воле отца противиться было невозможно, и осенью 1765 года шестнадцатилетний Гёте выехал в Лейпциг, в первый раз покинув надолго свой родной город.

Глава II. Студенческие годы (1765—1771)

Гёте в Лейпциге. – Университетские впечатления и городские знакомства. – Любовь к Кетхен Шенкопф. – Знакомство с Беришем. – Влияние Эзера. – Поездка в Дрезден. – Занятия искусствами и литературой. – Лепщигские стихотворения и драматические произведения Гёте. – Болезнь, возвращение во Франкфурт, медленное выздоровление, занятия алхимией. – Переезд в Страсбург. – Страсбургский «обеденный» кружок. – Занятия естествознанием и медициной. – Знакомство с Гердером. – Любовь к Фридерике Брион. – Защита юридической диссертации и возвращение во Франкфурт.

Гёте приехал в Лейпциг как раз во время ярмарки, в самое благоприятное время, чтобы ознакомиться во всей полноте с проявлениями внешней жизни города. Осмотревшись в новой обстановке, он отправился с рекомендательными письмами к профессорам и 19 октября был записан в «студенты баварской нации», так как все учащиеся в университете приписывались к одной из четырех «наций»: мейсенской, саксонской, баварской или польской. И здесь он сделал попытку бросить юриспруденцию, чтобы посвятить себя изучению языков и изящных искусств, но был решительно отговорен от этого профессором Беме, в доме которого он был ласково принят. Пришлось покориться и начать посещать лекции по логике, философии, истории права и другим предметам, к которым молодой поэт, тогда уже враг «пустых слов», ставивший выше всего личный опыт и наблюдение, питал положительное отвращение. «В логике, – пишет он, – мне показалось странным, для чего следует анатомировать, разлагать и объяснять такие простые операции и мысли, с которыми я совершенно свободно привык обращаться с самого раннего детства. О сущности предметов, о мире и Боге, казалось мне, профессор мой понимал не более меня». С юридическими науками дело шло не лучше, и юноша, который начал было усердно посещать и записывать лекции, вскоре стал сильно манкировать посещением университета. Впоследствии он жестоко осмеял лейпцигское университетское преподавание в знаменитом разговоре Мефистофеля с учеником в «Фаусте». В основу едких насмешек Мефистофеля над логикой, метафизикой и юриспруденцией положены, без сомнения, именно лейпцигские впечатления Гёте.

Разочаровавшись в университетских лекциях, молодой поэт

тем усерднее стал искать развлечений в обществе. Здесь его ждали на первых порах также некоторые не совсем приятные впечатления. Прежде всего ему дали заметить, что костюм его далеко не удовлетворяет общественным требованиям: хотя платье его было ново и сшито из хорошей материи, но сидело неуклюже и имело чересчур старомодный покрой. Манеры Гёте и его разговор также были несколько грубы и резки для такого цивилизованного города, как Лейпциг, в сравнении с которым старый Франкфурт оказывался провинциальным захолустьем. Заметив неблагоприятное впечатление, производимое на общество его провинциальным костюмом и манерами, самолюбивый юноша поспешил заказать себе модное платье и изгладить недостатки своего обращения и разговора, в чем ему охотно помогли дамы, в особенности госпожа Беме, имевшая на него большое влияние.

Беседы с последней повели, между прочим, к тому, что Гёте усомнился даже в своих поэтических дарованиях, – так беспощадно критиковала она тогдашнюю поэзию, в том числе и собственные стихотворения Гёте, которые он ей читал, не называя имени автора. Резкие отзывы ее, а также и некоторых профессоров о современных поэтах довели бедного юношу до такого отчаяния, что он в одно прекрасное утро сжег все юношеские стихотворения и прозаические сочинения, которые привез с собою из Франкфурта. Интерес к литературе, однако, не угас в нем: он стал только искать наиболее достойные образцы поэзии и остановился преимущественно на изучении Виланда и в особенности Шекспира, который произвел на него сильное впечатление.

Лейпцигское общество, в котором Гёте полировал себя в отношении светского обращения, не могло его долго интересовать. Разные церемонии, визиты, галантности, обязательная карточная игра, которой необходимо было выучиться, – все это скоро надоело живому юноше, искавшему высших интересов. Поэтому он чрезвычайно обрадовался, когда в Лейпциг приехал его франкфуртский знакомый, Иоганн Шлоссер, только что окончивший университетский курс. Шлоссер был юрист по профессии, но сильно интересовался литературой, в особенности английской, и сам кое-что пописывал на разных языках. Беседы с ним оживили в Гёте подавленное было стремление излагать свои мысли в стихах – и стихотворения вновь полились ручьем.

Приезд франкфуртского знакомого повел косвенным образом к некоторым новым усложнениям в лейпцигской жизни поэта. Шлоссер остановился в доме трактирщика Шенкопфа, у которого

обедали многие холостые лейпцигцы, а с приездом Шлоссера стал регулярно обедать и Гёте. Молодому поэту очень понравилась хорошенькая дочь Шенкопфа, Анна Катарина, которую звали просто Аннета или Кетхен. Девушка в свою очередь не оставалась глуха к ухаживаниям красивого студента, и скоро между молодыми людьми возникла настоящая любовь. Гёте, однако, начал капризничать и мучить девушку сценами ревности, ни на чем не основанной. Анкета сперва переносила с терпением все его выходки, но наконец не выдержала и отвернулась от него, так что он уже не мог возвратить себе ее расположение. Историю этой своей любви, разумеется с разными изменениями, Гёте изобразил в своей комедии «Хандра влюбленного», – первом из сохранившихся для печати драматических произведений его. В горе от потерянной любви он бросился в разгульную жизнь и сильно расстроил этим свое здоровье. К этому времени относится его сближение с неким Беришем, человеком средних лет, большим оригиналом, принимавшим деятельное участие в студенческих попойках. Бериш был человек весьма образованный и одаренный едким остроумием, но довольно бесхарактерный. Он имел на молодого Гёте в общем хорошее влияние, во-первых, благодаря тому что в беседах с юношей сообщал ему в живой и шутливой форме многие сведения, а во-вторых, – благодаря изящному вкусу и отвращению ко всему грубому. Скорее полезно, чем вредно для молодого поэта было также и то обстоятельство, что Бериш, хваля его стихотворения, всегда брал с него, однако, слово, что он не будет их печатать. Взамен этого Бериш каллиграфически переписывал эти стихотворения в изящные томики. Нежелание видеть свои произведения в печати на несколько лет довольно глубоко укоренилось в Гёте и предохранило молодого поэта от слишком раннего появления на литературной арене.

Если Бериш, таким образом, принес своим обществом пользу Вольфгангу, то еще более благотворное и гораздо более глубокое влияние имел на него лейпцигский знакомый Эзер, директор Художественной академии. Гёте, страстно увлекавшийся живописью еще с детства, со времен занятия Франкфурта французами, имел сильное желание выучиться хорошо рисовать, и нужно было, как мы увидим, много разочарований для того, чтобы он наконец убедился в своей малоспособности к этому искусству. Он стал брать у Эзера уроки рисования и занимался также историей искусства. Сильное впечатление произвел на него только что вышедший в свет «Лаокоон» Лессинга. Тайком от всех своих знакомых Гёте съездил в Дрезден и ознакомился там со знаменитой картинной галереей. По возвращении из Дрездена он

стал заниматься гравированием у гравера Штока. Наряду с живописью Гёте сильно интересовался и театром, который он посещал усердно, и в особенности восхищался тогдашними певицами – Шмелинг и Короной Шретер. Увлечение музыкой выразилось отчасти и в дружбе с семейством Брейткопф. Один из сыновей книгопродавца Брейткопфа положил на музыку многие стихотворения Гёте и даже напечатал их, правда, без обозначения имени поэта. В то же время Гёте знакомился с французской литературой и переводил «Лжеца» Корнеля. Оттуда он заимствовал александрийский стих, которым написана вышеупомянутая пьеса «Хандра влюбленного» и другая пьеса, относящаяся также к лейпцигскому периоду жизни нашего поэта – «Совиновники».

Как видно из всего этого, юный поэт интересовался в Лейпциге всем, кроме своих университетских занятий. Неправильная жизнь, которую он вел, обильное употребление пива и кофе, а также вдыхание ядовитых паров во время уроков гравирования на меди сильно расстроили его здоровье, и однажды ночью с ним сделался опасный припадок кровохарканья, а потом появился нарыв на шее. Кое-как поправившись, Гёте в августе 1768 года выехал из Лейпцига обратно во Франкфурт.

Невесела была встреча Вольфганга с родною семьей по возвращении его из Лейпцига. Вместо здорового и бодрого юноши вернулся в родительский дом полубольной молодой человек с расстроенными нервами и ипохондрическим настроением духа. Всего досаднее было такое состояние сына отцу, который хотя и старался скрыть свое огорчение, но всячески торопил Вольфганга лечиться, чтобы взяться за продолжение столь неудачно начатого и внезапно прерванного юридического образования. Мать и сестра старательно ухаживали за Вольфгангом; в особенности сочувствовала ему сестра, истомившаяся от отцовского гнета во время пребывания брата в Лейпциге: за отсутствием сына отец обратил всю свою страсть учить и воспитывать на дочь, причем не только утомлял девушку постоянными занятиями, но положительно лишил ее всякой свободы.

Выздоровление молодого Гёте тянулось медленно; опухоль на шее продолжала его мучить. В течение этой болезни он сильно сблизился с девицей фон Клетенберг, которая занимала и утешала его религиозными беседами. В разговорах этих собеседники, правда, большею частью не соглашались друг с другом, но всегда беседа кончалась совершенно миролюбиво.

К числу «благочестивых» собеседников принадлежал и врач, пользовавший Вольфганга. Врач этот (имени его Гете не называет) был очень оригинальный человек и большой любитель

алхимии, которою он сумел заинтересовать и свою приятельницу, госпожу Клетенберг. Он много говорил об известном ему таинственном универсальном средстве от всех болезней, которое он применяет, однако, лишь в крайних случаях. Когда болезнь Вольфганга стала усиливаться, несмотря на энергичное лечение, и наступила опасность смерти, мать юноши потребовала от врача, чтоб он пустил, наконец, в дело свое таинственное лекарство. Уступая ее настояниям, врач дал больному проглотить раствор какой-то соли, – и Вольфганг, действительно, тотчас же почувствовал облегчение и стал быстро выздоравливать. Это чудесное излечение внушило молодому Гёте сильный интерес к алхимии, так что, едва успев выздороветь, он предался усердному чтению химических и алхимических книг (Парацельса, Гельмонта, Бургаве и др.), окружил себя ретортами и реактивами и стал производить всевозможные химические опыты.

Выздоровление от болезни снова поставило вопрос о продолжении университетского курса. На этот раз молодому Гёте гораздо легче было расстаться с родительским домом, главным образом вследствие ухудшения отношений с отцом, который иногда чрезвычайно резко выражал свое нетерпение по поводу затянувшейся болезни сына.

Весною 1770 года наш поэт выехал в Страсбург, где, по плану отца, он должен был закончить университетское образование. По прибытии в Страсбург он прежде всего поспешил к знаменитому собору этого города; осмотрев его снаружи, он взобрался на высокую колокольню, откуда открывался прекрасный вид на окрестности Страсбурга. Поместившись в небольшой квартире, Гёте принялся знакомиться с новой обстановкой и новыми людьми. Сперва он посещал некоторые «благочестивые» семейства, рекомендованные ему девицей Клетенберг, но общество этих ограниченных людей скоро наскучило ему. Теснее были связи его с «обеденным» кружком студентов, сходившихся в столовой двух сестер Лаут – старых девиц, промышлявших кормлением университетской молодежи. На обедах этих председательствовал некто Зальцман – пожилой холостяк с хорошими манерами и большим тактом. Этот Зальцман указал юноше кратчайший путь к главной цели его пребывания в Страсбурге, – достижению ученой степени, нужной, чтобы удовлетворить наконец настойчивое желание старого Гёте видеть своего сына доктором прав. Все дело сводилось к тому, чтобы нанять опытного репетитора, хорошо знакомого с университетскими порядками и требованиями. Репетитор вскоре нашелся, и занятия юриспруденцией быстро пошли вперед, оставаясь, однако, для Гёте чем-то вроде отбывания неприятной

повинности. Гораздо больше, чем юридические науки, интересовали его теперь естествознание и медицина, чему благоприятствовало в особенности то обстоятельство, что из лиц, сходившихся за столом у сестер Лаут, большинство были студенты-медики. И вот Гёте усердно посещает в университете лекции по анатомии и химии, оставляя ненавистную юриспруденцию в стороне. Общественная жизнь также интересовала его; он принимал живое участие в празднествах по поводу въезда в Страсбург французской королевы Марии Антуанетты, посещал семейные дома, учился танцам у одного старого танцмейстера, с дочерьми которого у него вышел маленький роман, и прочее. Он перезнакомился со множеством лиц, из которых заслуживают упоминания кроткий идеалист Юнг-Штиллинг (по профессии медик) и веселый умный юрист Лерзе. Общаясь со всеми этими людьми, гениальный юноша старался чему-нибудь научиться, чем-нибудь воспользоваться для многостороннего развития своего ума. Не меньше заботился он и о выработке своего характера. От последнего недуга остались в нем некоторая слабонервность и болезненная чувствительность, от которых он всячески старался отделаться. Чтоб преодолеть, например, свою чувствительность к резким звукам, он становился возле солдат, бивших в барабаны; желая отучиться от головокружения, – влезал на самую высокую из башен собора; чтобы приучить себя к тяжелым и отвратительным зрелищам, – посещал анатомический театр, хирургическую клинику и проч. Когда читаешь повествование об этом в его автобиографии, невольно вспоминаются греческие стоики или Демосфен, который, дабы приобрести громкий голос, упражнялся в произнесении речей на берегу моря, стремясь пересилить своим голосом шум морского прибоя!

К числу событий, имевших большое значение для жизни Гёте и его литературной деятельности, принадлежит знакомство его с Гердером, который приехал в Страсбург лечиться от глазной болезни как раз в то время, когда наш поэт жил в этом городе. Гердер тогда был уже знаменитым писателем. Гёте поспешил познакомиться с ним и ревностно поддерживал это знакомство, несмотря на резкий характер Гердера и его порою весьма бесцеремонные выходки, случавшиеся под влиянием раздражительности, которая находила себе, правда, некоторое извинение в его болезни, туго поддававшейся лечению. Гердер имел на Гёте большое и благодетельное влияние в том отношении, что открыл ему новые горизонты, объяснив молодому поэту значение для всеобщей литературы Шекспира и Гомера и необходимость для немцев воспринять и воплотить в своей

литературе новое, свежее, реальное и национальное, отрешившись раз навсегда от французского ложного классицизма и связанных с ним условных правил искусства. Гердер обратил также внимание Гёте на еврейскую поэзию (Библия), на поэмы Оссиана, немецкие народные песни и другие произведения, выросшие, так сказать, вполне натурально на почве своего века и своей нации. Беседы с Гердером придали определенность тем неясным стремлениям к новой, свободной и реальной поэзии, которые волновали Гёте еще в Лейпциге, и это было как нельзя более кстати, так как молодой поэт в то время уже лелеял в душе образы Геца фон Берлихингена и Фауста. «Жизнь первого, – пишет он, – решительно не давала мне покоя. Личность сурового и благомыслящего человека, умевшего постоять за себя в эпоху общественной анархии, привлекала меня в высшей степени. Сказочная легенда о Фаусте отдавалась в душе моей тысячью разнообразнейших отголосков. Я сам, подобно ему, везде искал знания и рано пришел к убеждению в тщетности этого стремления. Жизнь хотел я обнять со всех сторон и каждый раз возвращался назад измученный и разочарованный. Я носил в душе зародыш обоих сочинений вместе с множеством других и часто наедине их обдумывал, но ничего пока еще не успел написать».

Ко времени знакомства с Гердером относится еще один эпизод, оставивший по себе глубокий след в душе нашего поэта. Эпизод этот – любовь к Фридерике Брион, дочери пастора в Зезенгейме, деревушке неподалеку от Страсбурга. Гёте познакомился с этой милой шестнадцатилетней девушкой в одну из загородных поездок со своим товарищем Вейландом. Семейство пастора, славившееся радушием и гостеприимством, состояло, кроме родителей, из сына и трех дочерей, из которых Фридерика была средняя. Наружность Фридерики сразу покорила сердце поэта. Это была хорошенькая блондинка с голубыми глазами и слегка вздернутым носиком, необыкновенно подвижная, легкая и грациозная в своем простом деревенском костюме, в котором она «казалась не то барышней, не то крестьянкой». Фридерика со своей стороны быстро увлеклась Вольфгангом, который также обладал чрезвычайно выгодной наружностью: его высокая стройная фигура, красивое, классически правильное лицо и в особенности большие черные глаза, отличавшиеся необыкновенным блеском, производили сильное впечатление на всех, кто с ним знакомился, а всего более, конечно, на молодых девиц. Однажды побывав в Зезенгейме (это было в октябре 1770 года), Гёте не мог противостоять искушению посещать этот очаровательный уголок

Эльзаса каждый раз, как освобождался от своих занятий. Сближение молодых людей быстро шло вперед; они постоянно гуляли вместе, щедро обменивались уверениями во взаимной любви и горячими поцелуями, а в разлуке вели оживленную переписку. Гёте написал для Фридерики целую серию стихотворений, в которых воспевалась его любовь к ней и которые частью вошли в собрание его сочинений, частью же были найдены лишь после его смерти и изданы отдельно. Стихотворения эти проникнуты юною свежестью чувства, веселостью и иногда почти детской наивностью.

Прелестное течение этой юной, полудетской любви имело, однако, весьма грустный конец. Мало-помалу Гёте начал охладевать к своей возлюбленной. Без сомнения, после первых увлечений вспыхнувшей в нем страсти он не мог скрыть от себя, что эта любовь никоим образом не могла завершиться браком. Богатый и чопорный отец, от которого наш поэт находился в полной зависимости, ни за что не согласился бы на столь ранний брак своего многообещающего сына с бедной деревенской девушкой, полукрестьянкой; а разрыв с отцом, никогда не отступавшим ни на шаг от своих убеждений, грозил полным крушением великим замыслам молодого Гёте.

Когда Фридерика и ее сестра приехали гостить к своим богатым родственникам в Страсбург, Гёте не мог не заметить контраста между девушками и городским обществом; дочери зезенгеймского пастора в своих немецких национальных костюмах казались настоящими крестьянками и видимо тяготились городской жизнью. Посещение Фридерикою Страсбурга, без сомнения, сильно способствовало решению Гёте покончить с этой любовью, вырвав ее из своего сердца, что он и сделал. Фридерика давно уже заметила в нем перемену и, сколько могла, облегчила ему этот разрыв, не сделав ни одного упрека за горе, разбившее всю ее жизнь. Дальнейшая судьба этой великодушной симпатичной девушки полна молчаливого трагизма. С достоинством переносила она свое несчастье, о Гёте всегда отзывалась с уважением и говорила, что он не мог связать с ней свою судьбу, так как был слишком велик для нее. Она не вышла ни за кого замуж, хотя не раз получала предложения, и умерла в 1813 году. Сведения о ее жизни несколько разноречивы; нет недостатка и в разных обвинениях, в попытках бросить тень на ее нравственность, лишенных, по-видимому, всякого основания.

6 августа 1771 года Гёте защитил наконец свою диссертацию, то есть, собственно, несколько избранных тезисов, саму же диссертацию ему отсоветовало печатать университетское

начальство, так как проведенные в ней мысли казались слишком смелыми и оригинальными. Гёте был рад именно такому обороту дела: он вообще боялся в то время печатать свои сочинения, а тут еще дело шло о юриспруденции, к которой он не питал ни малейшего расположения. Диспут окончился благополучно, и Гёте получил степень лиценциата прав. Докторской степени он, собственно, не приобрел, но в семье и среди знакомых его с тех пор всегда считали и называли доктором прав. Вскоре по защите диссертации Гёте покинул Страсбург (28 августа 1771 года) и вернулся в родительский дом, где старик отец принял его с радостью, которая несколько омрачалась только тем, что диссертация не была напечатана. Но Вольфганг утешил старика обещанием впоследствии расширить и исправить эту работу и затем уже напечатать ее. Обещание это, впрочем, осталось неисполненным, и диссертация спокойно пролежала в бумагах отца Гёте до самой его смерти.

Глава III. Франкфурт и вецлар (1771—1775)

Письмо Фридерики. – Странствования пешком по окрестностям Франкфурта. – Сближение с Мерком. – Вецлар и юридическая практика.– Любовь к Шарлотте Буфф. – Семейство Ларош. – Выход в свет «Геца». – «Страдания юного Вертера». – Колоссальный успех «Вертера». – Слава Гёте. – Знакомства со знаменитостями. – Посещение Кнебеля и знакомство с принцами Веймарскими. – Любовь к Лили Шенеман. – Помолвка. – Путешествие в Швейцарию. – Разрыв с Лили. – Гёте уезжает в Веймар.

Вскоре по приезде во Франкфурт Гёте получил от Фридерики ответ на прощальное письмо, которое он послал ей, покидая Страсбург. Ответ этот «растерзал ему сердце». Он чувствовал себя кругом виноватым перед милою девушкой и не видел возможности загладить причиненное ей зло. Мучимый угрызениями совести Гёте искал, по своему обычаю, утешения в тесном общении с природой. Целые дни бродил он по лесам и горам в окрестностях Франкфурта, изливая свою тоску в страстных стихотворениях, совершенно неотделанных по форме и носивших на себе печать той бурной эпохи немецкой литературы, которая носит название периода «Бури и натиска». Примером этих стихотворений может служить «Песнь странника в бурю», которую Гёте впоследствии сам называл «полубессмыслицей».

Во Франкфурте Гёте нашел целый кружок знакомых и друзей, старых и новых. Среди них занимал самое выдающееся место по своему уму и влиянию на молодого поэта некто Мерк, рекомендованный Вольфгангу еще Гердером в Страсбурге. Это был высокий худощавый мужчина, лицу которого длинный, острый нос и проницательные серые глаза придавали хищническое выражение, совершенно несоответствовавшее его доброму, благородному и доверчивому характеру. Мерк любил, как говорится, напускать на себя резкость и насмешливость, которых в нем было, в сущности, менее, чем он желал показать. Сочинения, написанные им, были проникнуты тоном самого беспощадного отрицания. В жизни этот умный и глубоко образованный человек являлся неудачником, так как имел страсть пускаться в спекулятивные предприятия, с которыми впоследствии обыкновенно не мог справиться. В конце концов, запутавшись в долгах, он кончил свою жизнь самоубийством.

Мерк имел на Гёте огромное влияние как даровитый, умный,

образованный собеседник, наделенный тонким эстетическим чутьем. Отрицательные стороны его характера, беспощадная ирония и даже, по-видимому, его наружность воплощены нашим поэтом в образе Мефистофеля, для которого Мерк послужил, так сказать, живой моделью.

Занятия юриспруденцией, при которых предстояло перейти к юридической практике в роли адвоката, по-прежнему были не по душе Гёте. Тем усерднее занимался он литературными трудами. Так, он приводил в систему свои впечатления от Страсбургского собора, результатом чего стало сочинение «О немецкой архитектуре»; занимался он и библейскими вопросами и написал две статьи религиозного содержания. Но главным стремлением его оставалось драматизирование истории Геца фон Берлихингена, который продолжал сильно волновать его воображение. Наряду с этими занятиями не были забыты, однако, и развлечения, в числе которых первое место принадлежало катанию на коньках, сделавшемуся вскоре любимым удовольствием молодого поэта.

Чтобы заставить сына заняться юриспруденцией, старик Гёте отправил его в Вецлар, небольшой городок неподалеку от Франкфурта, где помещалась Имперская судебная палата, при которой молодой Гёте должен был состоять практикантом. Не без ужаса перед предстоящей скучной и сухой судебной деятельностью ехал Гёте в Вецлар; тем приятнее было ему встретить в этом городе целый кружок образованных молодых людей, любивших провести время повеселее. В числе этих лиц был некто Кестнер, жених хорошенькой дочери одного вецларского чиновника, Шарлотты Буфф, которую Гёте в автобиографии называет просто Лоттой. Лотта, стройная, цветущая блондинка, являла собой тип немецкой девушки, обещающей быть примерной женой, хозяйкой и воспитательницей своих детей. Влюбчивый молодой Гёте, чье сердце постоянно жаждало женской ласки, по уши влюбился в Лотту с первого же дня знакомства с нею. Лотта относилась к нему приветливо, но сдержанно, не подавая ему никаких надежд; жених ее, Кестнер, также вел себя с большим тактом, поддерживая тесную дружбу с Гёте и не обнаруживая никакой ревности. Страсть Гёте, однако, возрастала все более и более, и наконец, чтобы выйти из ложного положения, он должен был покинуть Вецлар. Оставив своим друзьям прощальное письмо, он ушел рано утром пешком по направлению к Франкфурту. Дойдя до Эмса, он отправился в лодке в Кобленц, где прогостил некоторое время, вместе с Мерком, в семействе госпожи Ларош – сентиментальной романистки, пользовавшейся довольно большой известностью.

Госпожа Ларош имела молоденькую дочь Максимилиану, к которой Гёте был неравнодушен: не подлежит сомнению, что, несмотря на разлуку с Лоттой, наш поэт чувствовал себя весьма приятно в обществе этой грациозной черноглазой девушки.

Возвратившись во Франкфурт, Гёте продолжал адвокатскую практику и принял участие в нескольких процессах, к великому удовольствию своего отца. Главный интерес его составляли, однако, литературные занятия. На первом месте стоял здесь «Гец», также занимали Вольфганга планы «Прометея» и «Фауста». Весною 1773 года «Гец» вышел наконец в свет, напечатанный в типографии Мерка. Впечатление, произведенное им, было громадно и поставило автора во главе литературного движения «Бури и натиска» («Sturm und Drang»). В том же году Гёте написал фарс «Боги, герои и Виланд», осмеивавший некоторые произведения Виланда. А в ноябре он должен был лишиться дорогого для него общества сестры, принимавшей горячее участие в его литературной деятельности и славе. Корнелия *связала* свою жизнь с Георгом Шлоссером и уехала из Франкфурта.

К этому времени Лотта вышла замуж за Кестнера. Тоска о потерянной любви все еще продолжала мучить сердце Гёте, и он искал случая излить свое горе в каком-нибудь художественном произведении. Несчастливое супружество милой его сердцу Максимилианы Ларош, вышедшей замуж за франкфуртского купца Брентано, а также грустная история о самоубийстве одного из молодых знакомых Гёте, Иерузалема, застрелившегося от любви к замужней женщине, – таковы были непосредственные поводы к возникновению знаменитейшего из произведений Гётевой молодости – «Страданий юного Вертера». В этом романе Гёте изложил историю своей любви к Лотте, прибавив некоторые черты из жизни Иерузалема. «Вертер» имел успех, превзошедший всякие ожидания, и сразу составил молодому автору громкую славу в Германии и за границей. Книга разошлась во множестве экземпляров; на сентиментальную немецкую молодежь роман так сильно подействовал, что началась настоящая эпидемия самоубийств в подражание его герою. Не было недостатка и в резкой критике этого нового произведения Гёте; так, берлинский книгопродавец и писатель Николаи написал пародию на «Вертера», за которую Гёте впоследствии отомстил ему едкими эпиграммами.

В период 1772—1774 годов возникли и многие другие произведения нашего поэта: «Ярмарка в Плундерсвейлерне», «Клавиго», некоторые сцены из «Фауста», «Прометей», «Магомет», «Вечный жид» и целый ряд мелких стихотворений. Но «Геца» и

«Вертера» одних было достаточно, чтобы возбудить всеобщий интерес к новому блестящему светилу, появившемуся на горизонте немецкой литературы. Различные знаменитости приезжали во Франкфурт, ища случая познакомиться с гениальным молодым поэтом, и мать Гёте радушно принимала их, счастливая и гордая славой своего дорогого Вольфганга, чье слово было для нее – «все на свете». В июне 1774 года приехал Лафатер – знаменитый проповедник, мистик и физиономист. Вскоре после него приехал не менее знаменитый педагог-философ Базедов. Вместе с ними Гёте предпринял небольшое путешествие по Рейну, которое увековечил в шуточном стихотворении «Обед в Кобленце». Эта поездка была как бы триумфальным шествием для молодого поэта, чувствовавшего себя на равной ноге с такими знаменитостями, как Лафатер и Базедов.

В Кельне Гете познакомился с братьями Якоби —также знаменитыми литераторами. Осенью того же года был у него, проездом через Франкфурт, предмет его обожания в дни детства – Клопшток. Среди всего этого вихря кипучей литературной деятельности, поездок, знакомств и всевозможных впечатлений Гёте не переставал работать над своим образованием: к этому времени относится ознакомление его с философией Спинозы.

В конце 1774 года Гёте принял еще одного гостя, который сам по себе не был ничем особенно замечателен, но посещение которого имело огромное влияние на дальнейшую судьбу или, вернее, карьеру нашего поэта. Это был Кнебель, воспитатель принца Константина Веймарского. Он передал Гёте, что наследный принц Веймарский Карл-Август, только что прибывший во Франкфурт, очень желал бы его видеть. Гёте воспользовался приглашением, был весьма ласково принят и сразу очаровал наследного принца своею личностью и разговором. Принц взял с него обещание приехать в Майнц, где Карл-Август предполагал пробыть долее, чем во Франкфурте. Старик Гёте был недоволен этим сближением сына с владетельными особами. «Дальше от Юпитера – дальше от молнии», – говорил он и уверял Вольфганга, что его хотят только заманить, чтоб отомстить за издевательство над Виландом, который жил при дворе в Веймаре. Но другие домашние и близкие знакомые советовали Вольфгангу не пренебрегать приглашением принца, и через день он поехал в Майнц, где провел дня три весьма весело; между прочим был затронут в разговорах и вопрос о Виланде, и все разъяснилось к общему удовольствию: Виланд смотрел на вышеупомянутый фарс Гёте просто, как на шутку и не обижался на него.

К концу 1774 года относится также начало знакомства Гёте с семейством богатого франкфуртского банкира Шенемана, – знакомства, занимающего видное место в жизни поэта. У Шенемана была дочь Анна Элизабет, которую звали обыкновенно уменьшительным именем Лили. В эту красивую стройную семнадцатилетнюю блондинку наш поэт не замедлил влюбиться, тем более что и сам как красивый и знаменитый юноша пользовался ее симпатией. Лили была настоящая светская барышня, привыкшая жить в богатстве, постоянно окруженная множеством поклонников, капризная и кокетливая, но, как кажется, искренне любившая Гёте, насколько она вообще могла любить кого-либо.

В течение наступившего 1775 года взаимная склонность молодых людей быстро развивалась. Но Гёте боялся женитьбы как огня, считая ее, по-видимому, тормозом для своих планов и предприятий. Поэтому он, пытаясь побороть себя, стал реже бывать у Лили и, чтобы заглушить свою страсть, усиленно зарывался в различные дела и занятия. Тут явилась «на выручку», как говорят немецкие биографы (вернее, чтоб затянуть и испортить дело, клонившееся к мирной, естественной развязке), некая госпожа Дельф, старая девица, чрезвычайно охотно игравшая роль свахи. Застав однажды Гёте и Лили вместе, она объявила им, что они созданы друг для друга и соединила их руки. Влюбленным ничего не оставалось, как броситься друг другу в объятия. Помолвка состоялась. «Таким образом, – пишет Гёте, – в числе событий моей чудной жизни пришлось мне испытать и то, что происходит в душе жениха». Надо сознаться, что он был довольно странным женихом. В этом женихе не только не было уверенности, но в глубине души недоставало и желания сделаться мужем своей невесты. Он видел, что Лили не могла бы составить счастье его жизни: привыкнув к шуму света, блеску, удовольствиям, она едва ли отказалась бы от всего этого, как не отказывалась пококетничать с другими молодыми людьми, хотя и отдавала предпочтение Вольфгангу. Семье Гёте Лили не нравилась: отец его не рассчитывал иметь невесткой блестящую светскую даму. В этом странном положении, объявленный женихом, но боясь женитьбы более чем когда-либо, Гёте с радостью ухватился за возможность на время покинуть Франкфурт, чтобы несколько отдохнуть душою от тревожных сомнений. Во Франкфурт приехали два брата – графы Штольберги, друзья Клопштока, – и предложили ему отправиться вместе с ними в Швейцарию. Несмотря на уговоры Мерка, который называл Штольбергов болванами и путешествие с ними – глупостью, Гёте, не распростившись с Лили, уехал. Скоро он

отчасти убедился в правоте Мерка, так как в Дармштадте спутники его начали среди бела дня публично и открыто купаться в пруду, – но дело было не в этом: нужно было, как говорит Гёте, испытать, насколько подействует на него разлука с Лили. Проездом через Эммендинген он повидался с сестрой Корнелией, которая жила там со своим мужем. Это свидание могло только укрепить в нем страх перед женитьбой. Корнелия сама была несчастлива замужем и решительно отсоветовала брату жениться на Лили, так как брак этот, по ее мнению, не мог быть счастливым. В Цюрихе Гёте побывал у Лафатера, который там жил. Начиная с этого города, он расстался со Штольбергами и продолжал путешествие со своим старым знакомым Пассаваном, переселившимся в Цюрих. Прелестные картины природы сильно действовали на его воображение. Товарищ его предлагал переправиться в Италию и продолжать свой путь на юг по этой дивной стране, – но Гёте чувствовал себя все еще слишком привязанным к Лили и к своему родному городу, чтобы пуститься в такое непредвиденное и далекое путешествие. Обратно через Цюрих он приехал во Франкфурт и застал Лили заметно охладевшей к своему жениху. Ее приветливость по отношению к другим молодым людям, кокетство и рассеянный образ жизни терзали его муками ревности. Охлаждение между женихом и невестой все более и более усиливалось, и наконец стало ясно, что брак не состоится.

В течение этого года (1775) литературная деятельность Гёте носит явственный отпечаток его страстной привязанности к Лили. Он пишет «Стеллу», оперетту «Эрвин и Эльмира», «Парк Лили» и другие произведения, где любовь и ее терзания играют видную роль. Даже сцена из «Фауста» («Погреб Ауэрбаха»), написанная им в этом году, не лишена подобного отпечатка: под видом Зибеля и отравленной крысы поэт отчасти осмеивает себя самого.

В октябре приехал во Франкфурт Карл-Август – уже герцог Веймарский – и пригласил Гёте к своему двору в Веймар. Гёте принял это предложение. Было условлено, что камер-юнкер Кальб, оставшийся на некоторое время в Карлсруэ, приедет к Гёте в известный день и отвезет его в своем экипаже в Веймар. Назначенный день пришел, – Кальб не явился. Гёте сидел запершись у себя в комнате и писал своего «Эгмонта», которого он задумал незадолго перед тем. Прошло около двух недель, – Кальба все еще не было. Отец стал уговаривать сына бросить все и ехать в Италию. Вольфганг послушался и отправился в путь через Гейдельберг, где встретился с госпожой Дельф, которая теперь собиралась женить его уже на другой девице. Но ночью разбудил его рожок почтальона: то была эстафета из Франкфурта.

Запоздавший Кальб приехал и ждал его. Гёте тотчас же возвратился во Франкфурт и вместе с Кальбом отправился в Веймар.

Глава IV. Первые десять лет жизни Гёте в Веймаре (1775—1786)

Веймарский двор. – Празднества, веселье, «гениальничанье». – Поворот к более спокойному образу жизни. – Баронесса фон Штейн. – Гёте ищет уединенья. – Первая поездка на Гарц. – Поездка в Берлин. – Государственная и поэтическая деятельность. – Путешествие с герцогом в Швейцарию. – Изменение в характере Гёте. – Разносторонность его. – Занятия минералогией, остеологией и ботаникой. – Внутренняя неудовлетворенность. – Поездка в Карлсбад и внезапный отъезд в Италию.

В пять часов утра 7 ноября 1775 года въехал Гёте в Веймар, – небольшой живописно расположенный городок, которому суждено было прославиться тем, что в нем прожил большую часть своей жизни и создал свои капитальнейшие произведения величайший из поэтов Германии.

В конце XVIII столетия владетельные особы нередко искали сближения со знаменитыми литераторами, стараясь украсить свой двор присутствием выдающихся поэтов, философов, ученых. Фридрих Великий вел дружбу с Вольтером, Екатерина II переписывалась с французскими философами; маленький Веймар, хотя и не мог тягаться в других отношениях с богатыми и могущественными государствами, но по части покровительства художественным талантам не отставал от них. При дворе герцога Веймарского находились Музеус – известный автор сказок, Краус – известный живописец, знаменитый писатель Виланд и другие. Гёте суждено было взойти в Веймаре яркою звездою, которая затмила не только всех остальных веймарских знаменитостей, но сделала на некоторое время Веймар настоящей столицей всемирного искусства – германскими Афинами.

Молодой герцог Веймарский, Карл-Август, был, без сомнения, весьма недюжинная натура. Стремление к знанию, твердый самостоятельный характер и уменье выбирать людей – таковы были характеристические черты этого государя, правившего маленькой, незначительной страной, но умевшего придать этой стране великое значение для всего образованного мира. Жена его, герцогиня Луиза, женщина большого такта и безукоризненной нравственности, обладала спокойным и постоянным характером. Видную роль играла при дворе также мать Карла-Августа, герцогиня Амалия. Этой веселой даровитой женщине, многосторонне образованной и с тонким художественным вкусом,

по преимуществу принадлежала инициатива привлечения в Веймар выдающихся литераторов и артистов.

Поселившись временно у отца Кальба – президента палаты, Гёте скоро сблизился со всем придворным обществом. С Виландом у него завязались тесные дружеские отношения. От души простив молодому поэту его прежние насмешки, Виланд не мог на него налюбоваться. «Я не могу жить, – писал он, – без этого удивительного юноши, которого я люблю как собственного сына, и сердечно радуюсь, видя, как он перерастает меня и достигает всего, что было для меня недостижимо». Другие члены общества были также в восторге от Гёте, более же всех – дамы. И действительно, молодой поэт обладал в то время достаточными чарами для привлечения сердец, особенно женских. Красивая величественная фигура, идеально правильные черты лица, роскошные темно-каштановые волосы, большие блестящие черные глаза и, вдобавок к этой очаровательной внешности, неистощимая веселость, подвижность и остроумие, – все это не могло не покорить окружающих. С прибытием Гёте начался целый ряд шумных празднеств и увеселений, причем дан был полный простор «гениальности», этикет был почти совершенно отложен в сторону. «Гении», под предводительством герцога и Гёте, веселились, танцевали и пили напропалую. В особенности шумно пировали они в Штюцербахе, деревушке близ Ильменау, где они любезничали, отбросив всякие аристократические церемонии, с простыми крестьянскими девушками и плясали до упаду до поздней ночи. Дружба между «гениями» была самая непринужденная и тесная; они обменивались камзолами, жилетками и другими принадлежностями костюма, брали друг у друга все, что нравилось, и не возвращали, и так далее. Гёте чрезвычайно сблизился с герцогом; наедине они говорили друг другу «ты» и нередко даже спали в одной комнате.

В увеселениях общества видную роль играл любительский театр, организованный нашим поэтом. Для театральных представлений, правда, не было вполне удобного помещения, так как при пожаре старого дворца сгорел и театр, а новый не был еще отстроен, но это не мешало устраивать спектакли в Эттерсбургском замке (неподалеку от Веймара) или, в хорошую погоду, даже просто под открытым небом, в Тифуртском парке. Такие спектакли-пикники в ясные звездные ночи особенно нравились обществу. В качестве актеров принимали участие в них лица из высшего Веймарского общества и в числе последних Гёте, который был также и полновластным режиссером.

Разгульная «гениальная» жизнь скоро, однако, начала надоедать нашему поэту, который, по своей неутомимо

деятельной натуре, не мог долгое время оставаться без серьезных занятий. Уже в начале 1776 года стал он тревожиться и сомневаться, остаться ли ему в Веймаре или же уехать, чтобы вновь на свободе следовать своему призванию. В поисках уединенья совершал он одинокие прогулки в окрестностях Веймара. Герцог, замечая это стремленье своего друга к уединению и желая во что бы то ни стало удержать его около себя, купил для него отдельный загородный домик с садом, где Гёте и поселился.

В то время как в душе Гёте начал уже совершаться поворот к более спокойному и серьезному образу жизни, на него сыпались от друзей и знакомых увещания и упреки. Одни выражали опасение, что он заглушит и растратит по мелочам свой талант в сутолоке придворной жизни, другие упрекали его в дурном влиянии на герцога. К числу последних принадлежал Клопшток, написавший Гёте резкое письмо, на которое Гёте также ответил довольно резко, результатом чего был полный разрыв с Клопштоком. Со Штольбергами Гёте также разошелся. В действительности никто так не сознавал опасности, угрожающей поэтическому таланту от придворной суеты, как сам Гёте, который, как мы видели, все более и более искал уединения. Что касается влияния Гёте на герцога, то и оно было гораздо более благотворно, нежели вредно. Правда, герцог долгое время предавался еще некоторым излишествам, когда Гёте уже совершенно отказался от шумного «гениальничанья», но постоянное общение с великим поэтом не могло не повлиять в высшей степени благоприятно на развитие ума и сердце государя. Несмотря на свою молодость, Гёте сумел сделаться настоящим ментором Карла-Августа, и впоследствии всеми было признано, что поэт могущественно содействовал выработке из герцога мудрого благородного правителя.

В марте 1776 года Гёте ездил с герцогом в Лейпциг, где повидал своих старых знакомых: Аннету Шенкопф, вышедшую замуж за доктора Канне, Эзера, Корону Шретер. Последняя вскоре была приглашена в Веймар в качестве придворной певицы.

Сближаясь все более и более с герцогом, Гёте мало-помалу пришел к окончательному решению относительно своей карьеры. Особым указом от 11 июня 1776 года Карл-Август назначил Гёте тайным легационным советником, дал ему место и право голоса в Государственном совете, с содержанием в 1200 талеров в год. Придворные были этим крайне недовольны, но решение герцога было твердо и неизменно, и Гёте стал принимать все большее и большее участие в государственных делах, сперва присматриваясь к ним, а затем переходя постепенно к активной роли.

Прежде чем начать изложение дальнейших событий, необходимо бросить взгляд на то положение, в каком находились сердечные дела нашего поэта в первое время его жизни в Веймаре. В первые месяцы по приезде он еще не мог отрешиться от своей горячей привязанности к Лили Шенеман; хотя он сам принял решение вырвать из своего сердца эту любовь, но боль разлуки все еще мучила его. Исчезновению последних следов этой любви помогло знакомство его с госпожой фон Штейн, женой шталмейстера, бывшей придворной дамою герцогини Амалии. Имя и наружность этой женщины были знакомы Гёте уже ранее; возвращаясь из своего путешествия по Швейцарии, он познакомился в Страсбурге с врачом Циммерманом, который показал ему ее портрет, произведший на поэта сильное впечатление. Баронесса Шарлотта Эрнестина фон Штейн была в то время уже матерью семерых детей и имела тридцать три года от роду, но все еще оставалась чрезвычайно эффектной. Очарование, производимое ею на окружающих, усиливалось ее умом и знанием изящной литературы; она также недурно рисовала и пела. Словом, это была в полном смысле слова блестящая представительница придворного общества. Будучи опытною кокеткой, она сумела привязать к себе Гёте чрезвычайно сильно и прочно, не позволяя ему, однако, переходить известных границ. Барон фон Штейн по роду своей службы бывал дома не более раза в неделю, так что Гёте имел бы полную свободу посещать свою возлюбленную, если бы она сама не ограничивала этой свободы, останавливая его страстные порывы и не разрешая приезжать к себе слишком часто. В Веймарском обществе все знали об отношении Гёте к госпоже фон Штейн и сочувствовали этой связи, которая, по-видимому, носила, по крайней мере долгое время, платонический характер, так как самые бурные объяснения в любви не могли поколебать самообладания этой женщины. Не давая влюбленному насладиться окончательною победой и в то же время питая в нем надежду, она сумела привязать его к себе надолго. Под влиянием новой страсти любовь к Лили скоро была совершенно забыта, и когда в июле 1776 года Гёте узнал, что молодая девушка выходит замуж за банкира Тюркгейма, то отнесся к этому известию вполне равнодушно. Хорошее ли или дурное влияние имела Шарлотта фон Штейн на Гёте и любила ли она его или только кокетничала с ним, – об этом биографы много спорили. Одни, защищая ее, говорят, что она своим влиянием удерживала Гёте от слишком разгульной жизни, другие обвиняют ее в том, что она, будучи замужней женщиной и поддерживая страстные надежды поэта, тем самым не позволила ему своевременно жениться на какой-

нибудь достойной его женщине. И то, и другое едва ли справедливо. С одной стороны, сама натура Гёте и все его воспитание были таковы, что он, без сомнения, и помимо госпожи фон Штейн не мог бы долго увлекаться разгулом; с другой стороны, его отвращение к браку вообще было так велико, что едва ли он в то время женился бы на ком-нибудь, даже если бы и не воспылал страстью к очаровательной шталмейстерше. Гете, по своей влюбчивости и по той потребности в женском обществе, которая была ему присуща, несомненно должен был влюбиться в какую-либо из веймарских дам, и если выбор его пал на госпожу фон Штейн, то это свидетельствует, конечно, о ее красоте и талантах, но все влияние, которое она на него имела, сводится, по всей вероятности, к умению опытной кокетки держать своего любовника в сетях как можно дольше, руководствуясь при этом своим женским тщеславием. Кроме баронессы фон Штейн, Гёте увлекался и другими веймарскими дамами; его отношение к красавице Короне Шретер носило даже, по свидетельству Римера, весьма страстный характер.

В течение первого года своей веймарской жизни (1775—1776) Гёте написал сравнительно немного, что объясняется множеством празднеств и поездок, в которых он должен был принимать участие, и вообще тратою времени на ориентировку в новых обстоятельствах. К этому периоду относятся, например, прелестная «Ночная песнь странника», в которой поэт выражает свое утомление житейской суетой и призывает в свое сердце тихий мир, стихотворение «Плавание» – поэтический ответ на сетования друзей, боявшихся, что гений его потеряет свой истинный путь, и ряд стихотворений, обращенных к госпоже фон Штейн. Из больших произведений он только задумал в этом году «Ифигению».

В 1777 году мы застаем Гёте уже настолько отрешившимся от шумного «гениальничанья» и ушедшим в самого себя, что веймарские друзья – исключая герцога – даже негодуют на поэта за его чрезвычайную сдержанность и недоумевают, отчего в нем произошла такая перемена. Так, Виланд горько жаловался в письме к Мерку на Гёте и Гердера, который в конце 1776 года, по настояниям Гёте, был призван в Веймар и занял место генерал-суперинтенданта (высшего духовного лица в стране). «Кажется, как будто гений совершенно покинул Гёте, – писал Виланд. – Его сила воображения угасла; вместо живительного тепла, которое исходило от него, он окружен теперь холодом политики». Великие произведения, полные фантазии, ума и чувства, созданные нашим поэтом в течение его веймарской жизни, свидетельствуют, однако, что его сила воображения не ослабела и

что холод, которым он обдавал окружающих, был только средством сохранить независимость и досуг, столь необходимые для художественного творчества.

Гёте весь погрузился в кипучую, неустанную деятельность. То он объезжает с герцогом страну, стараясь выяснить нужды населения и поднять те или другие отрасли промышленности, то сидит упорно в своем загородном домике и учится рисованию под руководством придворного живописца Крауса, то устраивает спектакли и пишет пьесы для веймарского театра, то предпринимает или продолжает обширные поэтические и беллетристические труды, каковы «Ифигения», «Эгмонт», «Вильгельм Мейстер». В июне 1777 года его глубоко поразила печальная весть о смерти сестры Корнелии. В сентябре приехал Мерк, который застал Гёте и герцога в Эйзенахе. Мерк вынес очень хорошее впечатление о герцоге и его отношениях с Гёте. «Лучше всего здесь герцог, – писал он, – о котором ослы распустили молву как о слабом человеке, между тем как он обладает железным характером. Из любви к нему я сделал бы то же самое, что делает для него Гёте». В ноябре и декабре Гёте совершил, инкогнито и совершенно один, поездку в горы Гарца, отчасти для того чтобы ближе ознакомиться с горным делом и возобновить горные работы в Ильменау, отчасти же чтобы на некоторое время освежить себя полным уединением. Поэтическим плодом этой поездки была прелестная ода «Зимняя поездка на Гарц».

В том же духе шла жизнь Гёте и в следующем году, который ознаменовался только одним более или менее выдающимся событием – поездкой с герцогом через Лейпциг в Берлин и Потсдам – резиденцию Фридриха Великого. Поэту не понравился Берлин, а еще менее люди, окружавшие Фридриха. «В Пруссии, – пишет он Мерку, – я не проронил ни одного слова, которое не могло бы быть напечатано, за что меня и расславили гордецом и т. п… В Берлине мы пробыли несколько дней, и я смотрел на все с любопытством, как ребенок смотрит в ящик с редкостями… Видел я близко и старого Фрица, любовался его золотом, серебром, мрамором, обезьянами, попугаями и слышал, как рассуждали о великом человеке его собственные бездельники».

В 1779 году Гёте был занят государственными делами еще более, чем в предыдущие годы, так как на него возложили председательство в двух комиссиях: военной и путей сообщения, – «два новых отвратительных обстоятельства», как выражался он в минуты раздражения. Поэт вполне добросовестно относился к новым своим обязанностям: участвовал во всех заседаниях комиссий, ездил ревизовать дороги, следил за

производством рекрутского набора. Сознание добросовестного исполнения трудной и неприятной работы доставляло ему чувство полного удовлетворения: он считал свои свободные часы как бы заслуженной наградой за труд и с удвоенной энергией отдавался в эти часы своему настоящему призванию. Результатом таких отрадных досугов была первая (прозаическая) обработка «Ифигении в Тавриде», оконченная в конце марта, а в апреле поставленная на сцене вновь устроенного театра, причем Гёте играл Ореста, принц Константин – Пилада, Ифигению – Корона Шретер и Тоаса – Кнебель. Пьеса имела большой успех, в особенности хорош был сам Гёте в исполняемой им роли. «Я никогда не забуду, – пишет Гуфеланд, присутствовавший на этом спектакле, – того впечатления, которое производил Гете в роли Ореста. Казалось, что я вижу перед собою Аполлона. Нигде еще не было такого соединения физической и духовной красоты, как в лице Гёте».

Осенью наш поэт предпринял вместе с герцогом путешествие в Швейцарию, инкогнито и не уведомив двор о своем отъезде, к немалому удивлению и досаде придворного общества. Инкогнито, впрочем, разоблачилось уже в Касселе, где наши путешественники познакомились со знаменитым мореплавателем Форстером. Из Касселя они поехали во Франкфурт, где прогостили несколько дней в доме родителей Гёте, к великой радости матери поэта, в то время как старик отец отнесся к этому почетному посещению довольно равнодушно. Продолжая путешествие, Гёте в Шпейере покинул герцога на некоторое время и поехал один в Зезенгейм, чтобы еще раз повидать Фридерику и «воскресить пред собою часть своей жизни». Приехав вечером 25 сентября в памятную его сердцу деревушку, он нашел всю семью пастора в сборе. Добрые люди были от души рады неожиданному посещению того, кто оставил им по себе столько воспоминаний – и светлых, и печальных. Ни от Фридерики, ни от родных ее Гёте не услышал ни одного намека на огорчение, которое он им причинил: все обращались с ним просто и приветливо, как с обыкновенным старым знакомым. Поэт уехал от них примиренный и успокоенный. На следующий день он возвратился к герцогу и около полудня прибыл в Страсбург, где побывал в семействе Тюркгейм и видел свою бывшую возлюбленную Лили, которая была уже более года замужем. Здесь его также приняли очень дружелюбно; он остался у Тюркгеймов обедать, затем провел у них вечер и в ясную лунную ночь уехал к герцогу. От привязанностей к Фридерике и к Лили теперь оставалось в душе его лишь светлое, спокойное воспоминание. «Образы моих далеких друзей и судьба их, – писал он г-же фон Штейн, –

восстают в душе моей, подобно картине страны, на которую смотришь с высокой горы или с высоты птичьего полета». Проезжая далее через Эммединген, Гёте посетил могилу своей нежно любимой сестры. Затем путешествие продолжалось через Фрейбург, Базель, Берн в разные живописные местности Швейцарии (водопад Штауббах, Юра, долина Шамуни, Фирвальдштедтерское озеро), а оттуда в Цюрих к Лафатеру, с которым Гёте очень хотел повидаться, несмотря на усилившееся с течением времени различие в их философских и религиозных воззрениях. Благодаря сдержанности обоих друзей свидание прошло благополучно, без резких споров. Посетив Боденское озеро и Рейнский водопад, путешественники отправились в Штутгарт, где их радушно принял герцог Карл Виртембергский. Гёте и герцог Веймарский приглашены были, между прочим, на торжественный акт в Военной академии, где они присутствовали при раздаче наград студентам, в числе которых находился и Шиллер, тогда еще неизвестный юноша, в будущем соперник и лучший друг нашего поэта. Посетив затем владетельных особ в Карлсруэ, Дармштадте и Гамбурге, путешественники 13 января 1780 года вернулись в Веймар.

Только что описанное нами второе путешествие в Швейцарию знаменует собой важный момент в жизни Гёте: оно стоит как раз на рубеже его молодости и зрелого возраста. Вступив в 1780 году в четвертое десятилетие своей жизни, Гёте как бы оглядывается на свое прошлое, всматривается в самого себя и решает беспощадно подавить в себе все, что казалось ему вредным или недостойным. Беспорядочность в обыденной жизни, неукротимость желаний, отсутствие системы в занятиях и предприятиях – все это кажется ему заслуживающим резкого порицания, все это он считает необходимым исправить. В нем начинает пробуждаться дух сурового порядка и строгой систематизации, унаследованный от отца, и все более и более обуздывается смелая, непосредственная фантазия – прямое наследство матери. Нельзя, конечно, утверждать, что эта перемена резко проявилась в Гёте после швейцарского путешествия: и ранее обозначались уже в нем признаки внутреннего переворота. Они сказывались в отчуждении его от людей, в сдержанности и замкнутости, за которую, как мы видели, его упрекали уже во второй год его веймарской жизни; эта же перемена сказывалась отчасти и в его произведениях, которые обнаруживают резкое уклонение от духа эпохи «Бури и натиска», примером чего может служить «Ифигения», написанная в строгом и спокойном античном стиле. Но после путешествия в Швейцарию изменение его характера становится очевидным; он

вносит в свою жизнь строгий порядок, удерживается от всяких сильных душевных движений, становится весьма умеренным в употреблении спиртных напитков – словом, всячески старается сделаться полным господином самого себя.

Подобная же перемена стала заметна и в герцоге, который начал обнаруживать все более и более сдержанности и самообладания.

1780 год прошел в напряженной деятельности. Кроме государственных занятий, неизбежного участия в придворных приемах и торжествах, Гёте занимался минералогией, на которую он поневоле обратил внимание при ознакомлении с горным делом, и написал ряд произведений в стихах и прозе: первую часть «Писем из Швейцарии», вольную переработку комедии Аристофана «Птицы», прелестную оду «Моя богиня» и другие стихотворения. Также начал он писать своего «Тассо».

Остальные годы рассматриваемого нами периода (1780—1786) протекли среди такой же кипучей деятельности на поприщах государственной службы, искусства и науки. За усердное исполнение многосторонних служебных обязанностей герцог возвел его в дворянство и поручил ему председательствовать в Государственном совете. Это повышение последовало вскоре после смерти отца нашего поэта (он умер в конце мая 1782 года), но вряд ли особенно обрадовало бы старика, который не был вполне доволен родом карьеры, избранной его сыном. Вследствие усиления своей официальной деятельности Гёте принужден был покинуть загородный дом и переехать в Веймар. Наряду с официальными занятиями шло изучение естественных наук, которыми Гёте увлекался все более и более. Он ревностно продолжал свои минералогические и геологические наблюдения и предпринял еще две поездки на Гарц (осенью 1783 и 1784 годов); к этим занятиям присоединились анатомические, а также и ботанические исследования. По части анатомии он интересовался преимущественно остеологией (учением о костях), которую стал изучать под руководством профессора Лодера в Иене. Остеологические исследования привели его к блестящему открытию в области сравнительной анатомии: он нашел, что межчелюстная кость, которую считали исключительной принадлежностью животных, встречается иногда и у человека. Ботанические занятия были начаты им лишь в 1785 году. Литературными произведениями этот период довольно обилен: сильно подвинулась вперед обработка «Тассо», почти закончен «Эгмонт», написано шесть книг «Вильгельма Мейстера», драматический отрывок «Эльпенор», фарс «Шутка, коварство и месть» и целый ряд стихотворений, крупных и мелких (в том

числе много антологических), так что в 1786 году был совершенно готов обильный материал для первых четырех томов собрания сочинений нашего поэта, предпринятого книгопродавцем Гешеном в Лейпциге. Всего Гёте предполагал напечатать восемь томов, за которые он должен был получить гонорар в две тысячи талеров.

Как ни старался Гёте найти душевное равновесие среди своих многочисленных и разносторонних работ, – это не удалось ему в той мере, как он надеялся. Увеличение официальных обязанностей сильно тяготило его: в глубине души он чувствовал себя лишь поэтом и мыслителем, и роль первого министра, которую ему приходилось играть в такие сравнительно молодые годы, становилась ему все более и более неприятна. Сильного напряжения достигло это чувство тяготы и недовольства уже в 1783 году, когда у герцога родился сын – наследный принц Веймарский. Этот год вообще был поворотным годом в жизни веймарского двора, так как и герцог со времени рождения сына стал сдержаннее и спокойнее, чем когда-либо. Уйдя совершенно в самого себя, сделавшись до крайности молчаливым и несообщительным, Гёте лелеял мечту сбросить придворные узы, почувствовать себя на долгий срок вольной птицей, отдаться всецело тому, к чему влекло его внутреннее стремление: поэзии и изучению природы. Эти мечты об отдыхе и свободе, страстное стремление служить исключительно своему истинному призванию нашли себе выражение в балладе «Певец» и в бессмертном небольшом стихотворении «Горные вершины» (превосходно переведенном на русский язык Лермонтовым). Все более и более созревало в нашем поэте намерение надолго уехать из Веймара, – и целью этого бегства представлялась ему Италия, на которую он с детства привык смотреть как на обетованную страну искусства. В конце концов стремление туда превратилось в нем, по собственному признанию поэта, в настоящую болезнь; насколько велико было оно, ясно показывает знаменитая песня Миньоны «Ты знаешь ли край, где лимоны цветут…», написанная, по-видимому, незадолго перед отъездом в Италию.

В 1785 году Гёте предпринял, отчасти с геологической, отчасти с гигиенической целью, путешествие в Карлсбад. Лечение минеральными водами и тамошнее общество понравились поэту, и в конце лета 1786 года он вторично поехал в Карлсбад, но уже с затаенной целью отправиться оттуда в более далекое путешествие. Неожиданно для всех он уехал из Карлсбада, совершенно один, с походной сумкой через плечо, в три часа утра 3 сентября, отправив лишь прощальное письмо герцогу, в котором просил себе отпуск на неопределенное время.

Глава V. Путешествие в Италию и первые шесть лет по возвращении (1786—1794)

Верона, Виченца, Венеция, Болонья. – Первое пребывание в Риме. – Знакомство с художниками. – Неаполь. – Путешествие на Сицилию и возвращение через Неаполь в Рим. – Занятия искусствами. – Любовь к прекрасной миланке. – Литературные труды. – Возвращение в Веймар. – Влияние итальянского путешествия на характер, взгляды и деятельность Гёте. – Охлаждение между Гёте и веймарским обществом. – Христиана Вульпиус. – Разрыв с г-жой Штейн. – Занятия ботаникой, оптикой и остеологией. – Поэтическая деятельность. – Политические затруднения. – Поход во Францию и возвращение. – Осада Майнца.

Гёте путешествовал инкогнито, под именем купца Меллера. Через Мюнхен и Тироль прибыл он 16 сентября в Верону, где осмотрел древний амфитеатр. Из Вероны он через три дня приехал в Виченцу и пробыл там около недели, привлекаемый по преимуществу архитектурными сооружениями этого города (Олимпийский театр, базилика и пр.). Затем он продолжал путь через Падую в Венецию. Здесь Гёте прожил с лишком две недели, осматривал город и его многочисленные достопримечательности. Из зданий его интересовали церковь Il Redentore, монастырь Carità и другие, из картин особенно понравилась работа Паоло Веронезе, изображающая коленопреклоненную семью Дария перед Александром. Чтобы познакомиться с народными итальянскими напевами, он заказал для себя так называемое «пение лодочников». При лунном свете плыл он в гондоле, где один лодочник стоял на корме, другой – на носу и оба пели поочередно, стих за стихом, из Тассо и Ариосто. В одном месте канала певцы вышли на берег, разошлись в разные стороны и пели, чередуясь, издали. Гёте был глубоко растроган этим пением. Он посещал также оперу и был поражен тем живым участием, какое зрители принимали в представлении; подобное же участие публики заметил он и при посещении суда во время разбирательства одного дела. Живая, общительная натура венецианцев удивляла его своим контрастом с хладнокровием и замкнутостью северян. Как натуралист Гёте также нашел в Венеции немало интересного: рыбный рынок изобиловал множеством всевозможных морских животных, жизнь которых

можно было наблюдать и на воле, выезжая на лодке в море.

Уже и теперь, в самом начале своего путешествия, Гёте чувствовал себя чрезвычайно освеженным и ободренным новыми впечатлениями. «О, если бы я мог, – писал он в Веймар, – передать вам, друзья мои, хоть частицу этого легкого существования!» Север казался ему теперь мрачной тюрьмой, из которой он впервые вырвался, чтобы узнать настоящую жизнь.

В середине октября наш поэт отплыл в Феррару, откуда вскоре отправился в Болонью. Здесь он осмотрел разные здания и множество картин, из которых его наиболее привлекла «Святая Агата» Рафаэля. 23 октября Гёте был уже во Флоренции, где почти не остановился, торопясь в Рим, куда и прибыл, через Перуджу и Сполето, 28 октября. «Теперь я спокоен, – писал он 1 ноября в Веймар, – спокоен, кажется, на всю мою жизнь. Можно смело сказать, что там, где мы видим воочию и в целом все то, что было нам известно лишь понаслышке и по частям, – там начинается для нас новая жизнь. Все грезы моей юности теперь оживают предо мною; первые гравюры, какие я только помню – эти виды Рима в комнатах отцовского дома – восстают перед моими глазами в действительности… Куда я ни пойду, везде встречаю знакомое в этом новом для меня мире; все это таково, как я его себе представлял, и все-таки ново. То же самое могу я сказать и о моих взглядах, моих идеях. Нет у меня ни одной новой мысли, не нашел я ничего для себя неожиданного; но прежние мысли мои приобрели такую определенность, живость и взаимную связь, что их можно считать за новые». Мы выписали эту цитату потому, что она превосходно выражает то умственное и нравственное «перерождение», которое Гёте испытал в Италии, откуда он возвратился, по его словам, совсем иным, новым человеком.

Рим в политическом и религиозном отношении, как столица и святыня всего католического мира, весьма мало интересовал нашего поэта. Он видел папу во время богослужения и сперва пришел в восторг от великолепного зрелища; в нем пробудилось страстное желание услышать обращение папы к народу. Но поскольку никакого обращения не последовало, а вместо этого папа расхаживал перед алтарем туда и сюда, бормоча молитвы, – в Гёте «проснулось протестантское нечестие», и он отвернулся от пышного зрелища, обратив свое внимание на статуи и картины. Искусство и его памятники – вот все, что привлекало нашего поэта в «вечном городе». Картины Тициана, Гвидо, Рафаэля, Микеланджело, фрески Доминикино, фарнезская галерея Карраччи, Аполлон Бельведерский, Колизей, собор Св. Петра – все это приводило его в восторг и оставляло глубокие следы в его художественном развитии. Много помогал ему в изучении картин

великих мастеров знакомый немецкий живописец Тишбейн, живший в то время в Риме. Через Тишбейна Гёте познакомился с кружком живописцев, в котором видную роль играла художница Анжелика Кауфман – даровитая женщина, душа этого кружка.

Около трех месяцев жил Гёте в Риме, изучая памятники искусства. При этом он не забывал и литературной деятельности: «Ифигения», которую он начал перелагать в ямбические стихи, подвигалась понемногу вперед. Также занимался он и естественно-историческими работами: в ботанике его интересовал метаморфоз растений, в анатомии он увлекся изучением отношения мускулатуры к формам тела.

После карнавала, который не произвел на него приятного впечатления, Гёте уехал (22 февраля 1787 года) в Неаполь вместе с Тишбейном. Здесь он был охвачен совсем иным настроением, нежели в Риме. Море, чудное небо, Везувий – словом, дивные картины природы почти совершенно отвлекли его от изучения древностей, и даже Геркуланум и Помпея интересовали его сравнительно мало. «Природа – это все-таки единственная книга, представляющая на всех своих страницах одинаково великое содержание!» – восклицает он. День и ночь гулял он по морскому берегу, по площадям и улицам Неаполя и три раза поднимался на Везувий, причем в последний раз едва не задохся от дыма и избежал горячей лавы лишь благодаря энергии своего проводника. Роскошная растительность Италии заставляла нашего поэта много думать и о растениях, и в Неаполе он в значительной мере выработал свою идею о растении-первообразе.

Из Неаполя Гёте намерен был отправиться на Сицилию. Тишбейн не мог далее сопровождать его и рекомендовал другого немецкого художника, Книпа. Книп по условию, заключенному с Гёте, должен был рисовать ему во время их путешествия ландшафты. В конце марта Гёте с Книпом отправились на корабле на Сицилию. Они плыли с лишком четыре дня и вытерпели сильную качку, во время которой Гёте, мучимый морской болезнью и лежа в каюте, обдумывал первые два акта своего «Тассо». Путешественники высадились в Палермо, где Гёте провел более двух недель, в течение которых совершал многочисленные экскурсии по окрестностям, наслаждался роскошной природой и собирал растения и минералы, не забывая познакомиться и с памятниками искусства, находившимися в городе. Узнав, что в Палермо живут мать и сестра знаменитого Калиостро, Гёте не мог удержаться от искушения посетить их. Он явился к ним, выдав себя за англичанина, который будто бы встретился с Калиостро в Лондоне. Впоследствии из Веймара он посылал деньги этим родственникам Калиостро, которые оказались весьма бедными

людьми.

Из Палермо Гёте совершил путешествие по Сицилии. Посетив Алькамо, Сегесту, Джирдженти и Катанию и везде осмотрев по пути памятники древности, путешественники прибыли в Мессину, носившую свежие следы недавнего землетрясения. Картина разрушения неприятно подействовала на Гёте; сверх того, губернатор Мессины оказался своевольным, капризным стариком, от которого можно было ожидать больших неприятностей. Поэтому Гёте был очень рад, когда представился случай уехать в Неаполь, на французском купеческом корабле. Обратное морское путешествие было гораздо беспокойнее первого: корабль попал в сильное морское течение и едва не разбился о скалы острова Капри. К счастью, все окончилось благополучно, и 17 мая Гёте уже был в Неаполе, где провел около двух недель, наслаждался картиной извержения Везувия и наконец, дружески распрощавшись с Книпом, выехал в Рим.

В Риме наш поэт вновь примкнул к кружку художников и начал сам заниматься живописью. Искусство это уже с детства привлекало его, и не раз приходила ему в голову мысль, не должен ли он сделаться живописцем, не здесь ли он найдет свое настоящее призвание? До сих пор попытки его были большей частью неудачны; когда он обращался к профессиональным художникам с вопросом о своем рисовальном таланте, то получал обыкновенно неопределенные или малоблагоприятные ответы. Тем не менее, изучение классических образцов живописи и жизнь среди художников возбудили в нем столь сильное желание овладеть этим искусством, что он не мог удержаться от новой попытки достичь чего-нибудь на этом пути.

Сентябрь и октябрь Гёте провел на дачах неподалеку от Рима: сперва во Фраскати (древний Тускулум), потом в Кастель-Гандольфо. Здесь он познакомился с красивой молодой девушкой, приехавшей из Милана, и влюбился в нее. Неожиданно узнав, что она невеста другого, он был очень огорчен и решил погасить свою страсть в самом начале, прекратив почти всякие отношения с красавицей-миланкой. Но в декабре, когда он давно уже возвратился в Рим, случайно ему стало известно, что жених отказался от своей невесты и что последняя сильно захворала от огорчения. Когда девушка выздоровела, он опять сблизился с ней, но это сближение, как и прежние его увлечения, ни к чему не привело. Перед отъездом из Рима Гёте дружески, но вполне спокойно распрощался с прекрасной миланкой и никогда более не видел ее.

Все это время Гёте продолжал ревностно изучать картины и статуи, пользуясь по преимуществу указаниями даровитого

художника Генриха Мейера. Что касается его усилий добиться самому каких-либо результатов в живописи, то он пришел наконец к сознанию своей неспособности к этому искусству. «С каждым днем становится мне яснее, – пишет он 22 февраля, – что я рожден собственно для поэзии». Одушевляемый этим совершенно верным сознанием, он энергично взялся за выполнение некоторых своих литературных планов. «Ифигения» и «Эгмонт» уже ранее были им закончены; теперь он принялся за давно оставленного «Фауста», интерес к которому пробудился в нем с новой силой. «Это была плодовитая неделя, – пишет он 1 марта 1788 года. – В воспоминании она представляется мне как целый месяц труда. Прежде всего, сделан план к Фаусту, и я надеюсь, что эта операция мне удалась. Конечно, совсем иное дело писать эту вещь теперь, чем это было пятнадцать лет тому назад, но я полагаю, что результат от этого не пострадает, так как я, по-видимому, снова нашел прежнюю нить. Я спокоен также и относительно общего типа пьесы; я уже написал одну новую сцену, и если немного позакоптить бумагу, то никто, я думаю, не отличит ее от старых». Под этой сценой Гёте разумеет «Кухню ведьмы», написанную в саду виллы Боргезе. Действительно, она носит вполне северный, средневековый колорит, соответственно остальным сценам первой части «Фауста». Около этого же времени возникла и прелестная сцена «Лесная пещера». Кроме «Фауста», Гёте занялся также «Тассо», написал «Апофеоз художника» и прочее.

Мало-помалу приближалось время разлуки с Италией. Еще раз Гёте был свидетелем римского карнавала, который хотя по-прежнему не понравился ему, но с бытовой стороны заинтересовал его более, чем в прошлом году. После Святой недели он начал готовиться к отъезду. Как ни тяжела была для него мысль покинуть Рим, где ему жилось так хорошо, и возвратиться в холодный Веймар с его придворными церемониями, – однако приходилось решиться, так как вечно оставаться в Италии было нельзя, а сверх того, собиралась приехать в Рим герцогиня Амалия, которой Гёте вовсе не хотел служить путеводителем, несмотря на все уважение к ней. Итак, в конце апреля наш поэт выехал из Рима и, проехав через Флоренцию, Милан, озеро Комо, Штутгарт и Нюрнберг, в лунную ночь 18 июня 1788 года прибыл в Веймар, на пути значительно подвинув вперед своего «Тассо».

Путешествие в Италию имело глубокое влияние на окончательную выработку характера Гёте и на всю его последующую деятельность. Выше мы видели, что уже во время первого своего пребывания в Риме он чувствовал себя совершенно

переродившимся и на все смотрел с новой точки зрения. Его понятия, симпатии, вкусы претерпели полное изменение. В молодости его интересовала, например, готическая архитектура, и Страсбургский собор был для него предметом долгого изучения и восторга; но уже в Венеции он совершенно изменил свое мнение об этой архитектуре и насмехается в своих письмах над готическими колоннами, «похожими на табачные чубуки», над башенками, зубчиками и прочими готическими украшениями, от которых он, «слава Богу, теперь отделался навеки». Столь же резко изменился и взгляд его на поэзию периода «Бури и натиска», когда-то пользовавшуюся его симпатиями и даже предводительствуемую им. Его утонченному вкусу, выработанному изучением античного искусства, не могли уже нравиться бурные поэмы, романы и драмы, писавшиеся как Бог на душу положит, с полным пренебрежением к внешней отделке и большей частью лишенные художественного чувства меры. Приехав в Веймар, он пришел в ужас от того успеха, которым пользовались «Разбойники» Шиллера наряду с «Ардингелло» Гейнзе. Религиозные воззрения его также стали несколько иными: если и прежде он был далеко не ортодоксальным христианином, то теперь сделался настоящим «язычником». Равным образом обострилось и его нерасположение к искусственности придворной жизни и к условной морали высшего общества: привыкнув жить среди людей, близких к природе, не изуродованных северной романтической цивилизацией, он чувствовал себя вдвойне чуждым окружающей среде.

Впрочем, ошибочно было бы думать, что такой переворот в его взглядах и убеждениях совершился только в последние два года, исключительно под влиянием итальянского путешествия. Переворот этот, в сущности, произошел гораздо постепеннее и был естественным плодом всего хода умственного и нравственного развития нашего поэта, а путешествие в Италию послужило лишь толчком к завершению долгого периода внутренних исканий. Уже в первые годы пребывания в Веймаре стал утихать в Гёте необузданный пыл «Бури и натиска», а вместе с тем изменился и характер его произведений, ставших более спокойными и более обработанными с внешней стороны и принявших отчасти античный характер («Ифигения», антологические стихотворения и прочее). Охлаждение к Лафатеру, начавшееся уже давно, также явственно свидетельствует о перемене в религиозных и нравственных воззрениях Гёте. Если вспомнить, кроме того, что с детских лет он слышал от отца восторженные похвалы Италии и классическому искусству, то мы поймем, что влияние итальянской природы и

впечатления, вынесенные из Рима, нашли в нем для себя вполне подготовленную почву.

В сущности, следовательно, Гёте не испытал никакого «перерождения», как он любил выражаться, но лишь *завершил* поездкой в Италию выработку своего миросозерцания, над которой он сознательно или бессознательно работал всю свою предшествующую жизнь.

Причина увлечения Гёте античными миром и классическим искусством лежит не только во впечатлениях детства, но имеет, так сказать, свои корни в самой натуре нашего поэта. Гёте был глубоким реалистом в своих произведениях. Без малейшего преувеличения можно сказать, что большая часть его произведений, как мелких, так и крупных, имела реальную основу в его жизни. В этом и достоинство его стихотворений – их необыкновенная правдивость, и недостаток – нередко встречающаяся крайняя субъективность, делающая их иногда непонятными без комментария. Недаром он называл свои стихотворения «поэтической исповедью». Как реалист он один из первых в Германии взял себе за образец Шекспира и поднял знамя «Бури и натиска». Но этот реализм не удовлетворил его, так как носил еще слишком романтический, отчасти сентиментальный характер. Поэтому он решился идти далее, заимствовать у древних их непосредственное отношение к природе, которую они умели воспроизводить, например, в своих статуях, с идеальной верностью, являющейся в то же время лучшим залогом красоты. Следовательно, стремление Гёте к античной форме – лишь высшее выражение его реализма.

Как бы то ни было, путешествие в Италию стало все-таки поворотным пунктом в жизни поэта: только после этого путешествия он осознал себя вполне сложившимся человеком, с определенным, цельным миросозерцанием. Процесс «перерождения», пережитый им в глубине души, наедине с самим собою, был настолько сложен, что нет ничего удивительного в том, что Гёте не поняли его веймарские друзья. Возвратившись из Италии, он вскоре почувствовал себя совершенно одиноким не только в Веймаре, но и вообще на своей родине. Веймарское общество нашло его сильно изменившимся и относилось к нему холодно, не разделяя его взглядов на искусство; друзья, с которыми он был прежде в переписке (Лафатер, Якоби и другие), большей частью стали ему чужды вследствие крайнего различия взглядов; с Шиллером, который восходил тогда новою яркою звездою в немецкой литературе, Гёте не мог сблизиться, так как возмущался его «Разбойниками». Тяготение его к г-же фон Штейн начало ослабевать еще в Италии, а по прибытии в Веймар почти

исчезло. Шарлотте фон Штейн было в то время уже сорок пять лет; естественно, угасшую любовь к стареющей женщине Гёте надеялся заменить дружбой, но это ему, как мы увидим, не удалось.

При таких обстоятельствах нашему поэту ничего более не оставалось, как снова уединиться, замкнуться в самом себе и отдаться разработке богатого материала, привезенного им из Италии. По просьбе Гёте герцог освободил его от председательства в Государственном совете и военной комиссии, после чего поэт зажил спокойной уединенной жизнью, в которую, однако, вскоре неожиданно вошло новое обстоятельство. Гуляя однажды (в июле 1788 года) в парке, Гёте встретил молодую девушку из низшего сословия, которая подала ему просьбу о предоставлении места ее брату. Девушке этой, по имени Христиана Вульпиус, суждено было сделаться женою нашего поэта. Это была миловидная блондинка небольшого роста с довольно правильными чертами лица и большими голубыми глазами. Познакомившись с Гёте, она вскоре переселилась к нему. Связь эту Гёте первоначально старался скрывать, но не торопился закрепить браком. Когда отношения его к Христиане Вульпиус сделались известны веймарскому обществу, то последнее было донельзя скандализировано этим неожиданным событием и не находило слов для осуждения Гёте. В особенности неистовствовали, конечно, дамы и более всех г-жа фон Штейн, с которою воспоследовал у Гёте, после обмена несколькими письмами, полный разрыв.

Таким образом, с 1788 года началась семейная жизнь Гёте. Он страстно любил свою Христиану и привязывался к ней тем сильнее, чем больше злословили на ее счет. Она, со своей стороны, вполне заслуживала его привязанность, так как любила Гёте искренно, была хорошей хозяйкой и отличалась живым, веселым нравом. Образования она была весьма умеренного, но обладала природным умом, который мог, конечно, только развиться в обществе такого человека, как Гёте.

Чем обратила Христиана на себя внимание поэта, чем привлекла его настолько, что он не побоялся громадного скандала, который был неизбежен при обнаружении этой связи? Христиана была миловидна, – но не красавица, неглупа, – но не отличалась никакими особыми дарованиями. По всей вероятности, его пленили простота, наивность, естественность, то есть именно те стороны ее натуры, которые составляли выгодный контраст с искусственными, деланными чарами светских дам, столь оскорбленных его пренебрежением к ним и сближением с простой девушкой. Можно спросить, отчего же он тотчас не

женился на Христиане? Мысль о браке у него была, но, во-первых, брак не уменьшил бы, а еще усилил скандалезное впечатление от связи, так как встал бы вопрос о принятии Христианы в общество веймарских дам; а во-вторых, сама Христиана не только не настаивала на бракосочетании, но желала отсрочки его.

Устроив свое семейное гнездышко, Гёте стал деятельно работать на поприще поэзии и науки. Под впечатлением любви к Христиане написал он свои великолепные «Римские элегии»; затем напечатал «Эгмонта», оконченного еще в Италии, и закончил «Тассо». Результатом его научных работ была теория метаморфоза растений, которую он поэтически изложил в прелестном стихотворении, обращенном к Христиане.

Вскоре Гёте поручено было герцогом заведование всеми учеными и художественными учреждениями в стране – должность, в которой Гёте чувствовал себя гораздо более на месте, чем в роли президента палаты.

В конце декабря 1789 года Христиана подарила поэту сына, которого назвала Августом. Герцог, не разделявший предрассудков веймарского общества, был крестным отцом этого ребенка.

Весною 1790 года поэт уехал в Венецию навстречу герцогине Амалии, возвращавшейся из своего итальянского путешествия. Ему было очень трудно расстаться с семьей, с которой он уже тесно свыкся. Венеция в этот приезд не так понравилась ему, как в прошлое посещение. «Я теперь несколько более нетерпим к свинской жизни этой нации, чем в первый раз», – писал он Гердеру. Герцогиню ждать пришлось довольно долго, и Гёте имел досуг заняться изучением картин и сочинением своих «Венецианских эпиграмм». Счастливый случай натолкнул его также на замечательное научное открытие.

Когда поэт гулял по еврейскому кладбищу Венеции, сопровождавший его слуга поднял валявшийся на земле овечий череп и подал Гёте с шутливым замечанием, что это череп еврея. Череп, на счастье, оказался рассевшимся по швам так удачно, что сходство его с позвоночником сделалось весьма наглядным. Это подало Гёте мысль о позвоночной теории черепа, о которой мы будем еще говорить ниже.

Наконец герцогиня приехала и после осмотра художественных достопримечательностей Венеции и других городов Северной Италии возвратилась вместе с Гёте в Веймар, откуда поэту вскоре пришлось опять уехать в Силезию, сопровождая герцога по политическим делам. Лишь в октябре вернулся поэт к своему любимому семейному очагу. Душевное спокойствие, которого он ожидал здесь достигнуть, не могло,

однако, установиться по многим причинам. Во-первых, его огорчало равнодушие публики к его новым произведениям («Ифигения», «Эгмонт», «Тассо»), которые стоили ему столько труда и которые он сам высоко ценил. Во-вторых, раздражало поэта и скептическое отношение цеховых ученых к его научным трудам. Но более всего нарушалось душевное равновесие Гёте политическими событиями. В 1789 году начала разыгрываться великая драма Французской революции; пожар войны грозил охватить всю Европу. От природы враг всякого беспорядка, Гёте, при своем нерасположении к политике вообще, был сторонником идеи постепенного, медленного и верного прогресса, а потому не мог сочувствовать революции. Как в геологии он был ярым врагом вулканизма, допускавшего бесчисленные грозные перевороты в развитии земной коры, так и в политике он с ужасом отворачивался от войны, мятежа и всяких внезапных, насильственных перемен. И вот ему, искавшему лишь мира и долгого терпеливого труда над собранными им богатыми материалами в области искусства и науки, ему, только что взявшему на себя управление театром и отдавшемуся всей душой этому делу, которое он считал чрезвычайно важным для развития в обществе настоящего художественного вкуса, – ему приходилось оторваться от своих любимых занятий и даже участвовать в военных походах!

1791 год прошел сравнительно спокойно; Гёте занимался в течение его преимущественно научными исследованиями в области оптики, стараясь заменить несимпатичную ему световую теорию Ньютона собственной теорией цветов. В этом же году было основано в Веймаре художественно-научное общество, которое собиралось по пятницам сперва у герцогини Амалии, затем у Гёте. Последний нередко делал в этом обществе рефераты по оптике, другой его темой стала родословная Калиостро; Гердер читал доклад «О бессмертии», Гуфеланд – по макробиотике, и так далее. Такая же мирная деятельность продолжалась и в первой половине 1792 года, несмотря на грозные тучи, все более и более омрачавшие политический горизонт.

Но летом началась война Пруссии и Австрии против революционной Франции с целью восстановления королевской власти; в этой войне приняло участие и герцогство Веймарское. Карл-Август в качестве командира полка присоединился к войскам герцога Брауншвейгского, вторгнувшегося во Францию. Гёте последовал за своим герцогом, отчасти из привязанности к своему венценосному другу, отчасти желая испытать новые ощущения, изведать незнакомую ему сторону жизни. Через

Франкфурт, где он повидался со старушкой матерью, через Майнц и Трир проехал он к Лонгви, где стояли войска союзников. Армия двинулась к Вердену, который сдался после непродолжительной бомбардировки. Но военное счастье скоро изменило немцам. Воспользовавшись медлительностью герцога Брауншвейгского, не решившегося вести войска к Парижу, французский генерал Дюмурье успел занять важные стратегические пункты, собрал подкрепления и, сразившись с союзниками при Вальми, принудил их к отступлению за Рейн. Во время сражения Гёте держался некоторое время в районе действия неприятельской артиллерии, чтобы испытать на себе, что чувствует человек при свисте летающих вокруг ядер. К счастью, это любопытство обошлось для него благополучно.

В течение всего похода Гёте держался вполне мужественно, стараясь ободрить и развеселить герцога и его общество в тяжелые дни неудач, когда все пали духом. Сам он даже на полях сражений интересовался отвлеченными занятиями гораздо более, чем политикой. Так, он сделал близ Вердена наблюдения над игрой света в воде ручья и привез с собою на родину целый ряд заметок, относившихся к его цветовой теории.

На обратном пути Гёте остановился в Трире. Здесь он получил письмо от матери с вопросом, не будет ли он согласен занять во Франкфурте место председателя городского совета, освободившееся за смертью его дяди Текстора. Он отказался от этой чести, не желая покидать Веймар и герцога, с которыми уже совершенно сроднился. Далее Гёте продолжал свой путь в Кобленц, в лодке по Мозелю, а оттуда спустя некоторое время направился через Дюссельдорф в Пемпельфорт, где прожил более месяца у своих старых друзей Якоби. Из Пемпельфорта он поехал в Мюнстер. Там его дружески приняла остроумная княгиня Голицына (урожденная графиня Шметтау). Наконец в декабре он был дома, в Веймаре.

1793 год начался для Гёте мирно и счастливо. Семья его была весела и здорова; занятия оптикой шли вперед тем успешнее, что Гёте встретил помощь и сочувствие со стороны своего римского друга, художника Мейера, который старался найти его идеям практическое применение. Но политические беспокойства давали себя знать, и в мае Гёте вновь должен был отправиться, по приглашению герцога, на театр военных действий. Пруссаки осаждали Майнц, занятый французским корпусом, и взяли его в конце июля, после долгого бомбардирования. Во время осады Гёте ревностно продолжал свои занятия по оптике, а после сдачи города возвратился через Гейдельберг и Франкфурт в Веймар.

В течение всего периода 1791—1793 годов поэтическая

деятельность Гёте, как и следовало ожидать, была незначительна. Если он мог *заставлять* себя заниматься наукой и в этих занятиях находить забвение среди окружавших его тягостных впечатлений войны и неурядицы, то для вдохновения при этих условиях почти вовсе не могло быть места. И действительно, за это время, если не считать нескольких мелких стихотворений, Гёте написал всего лишь сатирическую поэму «Рейнеке Лис» и две довольно слабые комедии: «Великий Кофта», в основу которой легла история Калиостро, и «Гражданский генерал», в которой осмеивались некоторые стороны революции. Но этот упадок поэтической деятельности был только временным затишьем перед новым могучим ее подъемом, который начался после сближения Гёте с Шиллером в 1794 году.

Глава VI. Гёте и Шиллер (1794—1805)

Первые встречи Гёте с Шиллером. – Свидание в Иене и начало сближения. – Шиллер гостит в Веймаре, и дружба его с Гёте окончательно устанавливается. – Ободряющее влияние Шиллера на Гёте и подъем поэтической деятельности последнего. – «Ксении», «Герман и Доротея», продолжение «Фауста». – Новый упадок деятельности Гёте и причины этого упадка. – Смерть Шиллера.

Когда Гёте возвратился из Италии, Шиллер был уже знаменитым поэтом и слава его гремела по всей Германии, следствием чего стало приглашение его в Веймар, куда Шиллер и приехал в 1787 году. По возвращении Гёте из итальянского путешествия ему вскоре пришлось встретиться с Шиллером в одном знакомом доме, но встреча эта не привела к сближению обоих поэтов. Гёте говорил с Шиллером приветливо, но держал себя все-таки настолько холодно, что об установлении более интимных отношений между ними не могло быть и речи. Он показался Шиллеру эгоистом и гордецом, между тем как сдержанность Гёте была лишь результатом его нерасположения к шиллеровским «Разбойникам». Уклоняясь от сближения с Шиллером, Гёте, однако, не упускал случая сделать ему добро и сильно содействовал назначению Шиллера профессором истории в Иенском университете, которое и состоялось в декабре 1788 года.

Прошло целых шесть лет, пока выяснилось, что некоторая натянутость отношений между обоими поэтами основана на недоразумении и что стоит им несколько ближе узнать друг друга, и между ними возникнет тесная дружба на всю жизнь. Толчок к сближению был дан случайной встречей их на одном из заседаний общества естествоиспытателей в Иене, на котором и Гёте, и Шиллер были почетными членами. После этого заседания у них завязался оживленный разговор, и Гёте, провожая Шиллера, зашел к нему в дом, где беседа и спор продолжались. Хотя собеседники и тут не согласились относительно некоторых пунктов (разговор шел о метаморфозе растений), однако ум автора «Разбойников» произвел на Гёте большое впечатление, и Гёте с радостью принял присланное Шиллером в скором времени приглашение принять участие в журнале «Die Horen». Следующие свидания укрепляли возникающую дружбу, а когда Шиллер, приехав в конце сентября 1794 года в Веймар, пробыл там десять

дней, постоянно обмениваясь с Гёте мыслями, то «союз германских Диоскуров» окончательно установился. Шиллер уехал из Веймара, чрезвычайно обогащенный новыми идеями, а Гёте совершенно воспрянул духом, найдя наконец человека, который способен был вполне его понять.

Оживление в поэтической деятельности Гёте, которое началось после сближения его с Шиллером, проявилось, однако же, не сразу. Политические обстоятельства были не таковы, чтобы литература могла процветать беспрепятственно. Из Франции надвигалась опасность, начинавшая грозить даже и внутренней Германии. С юга и с запада присылали к Гёте разные драгоценности на сохранение; Якоби должен был бежать из Пемпельфорта и нашел приют в Энкендорфе (в Голштинии). Гёте предлагал своей матери переселиться в Веймар, но она предпочла остаться во Франкфурте.

Мало-помалу настроение умов сделалось, однако, более спокойным, и в течение 1795—1797 годов Гёте напечатал целый ряд произведений, заставивших критику признать, что гений его вовсе не находится на пути к окончательному упадку, как думали многие. В этот период были закончены «Годы учения Вильгельма Мейстера», написаны «Алексис и Дора», «Герман и Доротея», целый ряд превосходных баллад («Коринфская невеста», «Бог и баядерка» и другие) и множество других стихотворений; Гёте приступил к продолжению «Фауста». Наибольший шум вызвали в литературе те из стихотворений этого периода, которые в настоящее время имеют как раз наименьшее значение. Это были так называемые «Ксении»– ряд эпиграмм, написанных Гёте и Шиллером в отместку их литературным врагам, благодаря нападкам которых журнал Шиллера «Die Horen» не имел успеха. Впечатление, произведенное этими едкими и остроумными эпиграммами, было громадно. Множество лиц, принадлежавших к немецкому литературному миру, почувствовали себя глубоко оскорбленными; посыпалась масса резких ответов на «Ксении», большинство писателей и читающей публики осуждало Гёте и Шиллера, – но дело было сделано: едкая сатира разбудила внимание к истинно высоким литературным произведениям и содействовала исправлению эстетического вкуса публики. Огромный успех выпал также на долю превосходного идиллического эпоса «Герман и Доротея». Но всего важнее было возвращение к обработке «Фауста», которое произошло по настойчивой инициативе Шиллера. Уже в ноябре 1794 года Шиллер просил Гёте показать ему ненапечатанные сцены из «Фауста» (а напечатан был в то время лишь отрывок, заключавший в себе около половины первой части), но Гёте не

решился раскрыть пакета, в котором лежала рукопись этой дивной драматической поэмы. В начале 1795 года Гёте рассказал Шиллеру план «Фауста». Вильгельм Гумбольдт, которому Шиллер сообщил этот план, изумился его громадности и выразил опасение, что план так и останется одним планом. Однако Шиллер не прекращал своих попыток уговорить Гёте взяться за продолжение «Фауста», и Гёте наконец принялся за дело, написал посвящение, два пролога, набросал некоторые новые сцены и сильно подвинул вперед разработку плана поэмы. Но в 1797 году «Фауст» опять был оставлен в стороне.

В течение описываемого периода Гёте совершил несколько путешествий. Так, он ездил ненадолго в Карлсбад лечиться от ревматизма, был с герцогом в Лейпциге, а в конце лета 1797 года отправился в Швейцарию, чтобы встретить там Мейера, возвращавшегося из Италии. Приехав во Франкфурт, он представил своей матери Христиану и семилетнего Августа, которых вскоре отослал обратно в Веймар. Из Франкфурта Гёте поехал через Гейдельберг, Штутгарт, Тюбинген и Шафгаузен в Цюрих, где встретился с Мейером и совершил с ним богатую впечатлениями поездку по Швейцарии. Возвратившись в ноябре в Веймар, он привез с собою множество научных и литературных заметок и проект драмы «Вильгельм Телль», возникший у него под впечатлением картин природы и жизни Швейцарии, но оставшийся невыполненным. Конец столетия прошел у Гёте в том же тесном общении с Шиллером, который не переставал поощрять своего друга к более напряженной поэтической деятельности. Предубеждение публики против Гёте было в значительной мере рассеяно появлением его «Германа и Доротеи», и от него ждали теперь с большим интересом новых произведений. Но Гёте опять сделался на некоторое время малоплодовитым. Он писал, правда, мелкие стихотворения, начал некоторые крупные вещи, продолжал (очень медленно) обработку «Фауста», редактировал новый журнал «Пропилеи», предпринятый сообща с Мейером, – но в общем деятельность его нельзя было назвать особенно производительной. Тем ревностнее принимал он участие в поэтических трудах Шиллера, который находился в полном расцвете таланта, окончил свою трилогию «Валленштейн» и начал «Марию Стюарт». Гёте чрезвычайно усердно заботился о постановке «Валленштейна» на сцене веймарского театра и радовался успеху трилогии не менее самого Шиллера.

Поэтическая деятельность Гёте оставалась малопродуктивной и в первые годы наступившего девятнадцатого столетия. Причин этому было много. Прежде всего, Гёте трудно было разобраться в

громадной массе материала, накопленного им в течение четырех десятилетий неустанного умственного труда. Его интересовало все: не было почти ни одной отрасли наук и искусств, которая более или менее не привлекала бы его к себе, заставляя оставлять недоделанными начатые работы. Дух его неудержимо стремился к всестороннему развитию, как бы инстинктивно стараясь вобрать в себя все впечатления, которые окружали Гёте в его богатой событиями жизни. «Чрезвычайно энергичный в исполнении однажды принятого решения, он очень сомневался, когда ему предстояло решиться на что-нибудь», – замечает о Гёте один из его лучших биографов – англичанин Льюис. К этому можно прибавить, что подобная нерешительность обусловливалась в делах литературных трудностью выбора между несколькими сюжетами, интересовавшими его в одно и то же время. Другая важная причина его медлительности и непроизводительности заключалось в отсутствии душевного спокойствия, столь необходимого для поэтической деятельности: семейные обстоятельства Гёте в рассматриваемое нами время были далеко не утешительны. Христиана стала мало-помалу обнаруживать некоторые не совсем приятные стороны характера: она слишком любила веселиться и танцевать, посещала балы иенских студентов и низших классов общества, а также пила слишком много вина. Унаследовала ли она эту дурную наклонность от своего отца, который был горьким пьяницей, или же привыкла пить вино вследствие того, что высшее общество было для нее закрыто и молодая женщина, естественно ища развлечений, принуждена была посещать общество сомнительного достоинства, – так или иначе, результат вышел одинаково грустный. Легко себе представить, при общем нерасположении веймарцев к Христиане, какая пища дана была злоязычию ее поведением и как все это должно было мучить Гёте, который не мог расстаться с Христианой, потому что продолжал любить ее и считал себя связанным с нею чувством чести и долга.

Фихофф в своей солидной биографии Гёте указывает еще на одну причину, которая должна была обусловить некоторый упадок его поэтической деятельности. Причина эта – влияние философских бесед с Шиллером, вовлекших нашего поэта в несвойственную ему метафизическую область мышления. Гёте стал будто бы именно под их влиянием интересоваться философией Шеллинга, Фихте и Канта, стал слишком усердно обсуждать сюжеты и теоретизировать, вместо того чтобы отдаться непосредственному творчеству, прямо выражающему идеи в образах. Так это или нет, – во всяком случае в произведениях Гёте с этого времени начинает явственно пробиваться стремление к

символизации, к приданию образам и описаниям аллегорического философского смысла.

Наиболее важным результатом деятельности Гёте в 1800—1805 годах было продолжение «Фауста», то есть дополнение первой и наброски для второй части. Кроме того, он написал драму «Внебрачная дочь», несколько стихотворений, исторических и критических статей и так далее.

Из новых знакомств, сделанных нашим поэтом за это время, следует отметить сближение его со знаменитым музыкантом Цельтером, уже ранее переписывавшимся с Гёте, а в 1803 году проведшим две недели в Веймаре. К этому же времени относится и знакомство его с молодым филологом Римером, которого Гёте взял домашним учителем к своему сыну и который впоследствии сделался домашним секретарем поэта. В 1804 году в Веймар приехала знаменитая французская писательница г-жа Сталь. С ней Гёте старался видеться и разговаривать как можно меньше, так как бойкая француженка напрямик объявила ему, что напечатает все, что от него услышит. *С* г-жой фон Штейн у Гёте произошло некоторое сближение в 1801 году, когда он был опасно болен (у него было рожистое воспаление кожи головы, опухоль на шее и судороги) и она принимала в нем участие, постоянно справляясь о его здоровье. Зато в 1803 году Гёте потерял одного из прежних своих друзей, с которым он, однако, в последнее время не был особенно близок: после долгой болезни умер Гердер.

1805 год начался для Гёте несчастливо. Новогодним утром он написал Шиллеру письмо, в котором поздравлял его «с *последним* Новым годом». Написав эти слова, он был охвачен суеверным предчувствием, что этот год будет *последним* для него или для Шиллера. Поспешно разорвав письмо, он написал другое, но отделаться от неприятного предчувствия все-таки не мог. В феврале оба поэта опасно захворали: у Гёте случилась почечная колика, а у Шиллера – сильная лихорадка. В начале марта Шиллер несколько поправился и навестил больного Гёте. Друзья сердечно обнялись и оживленно беседовали. В конце апреля Гёте почти совсем выздоровел и пришел к Шиллеру, который в этот день собирался в театр. Это было последнее их свиданье: в тот же вечер Шиллер сильно простудился, слег и более не вставал. Вечером 9 мая, когда Шиллер умер, Мейер сидел у Гёте. Его вызвали на улицу и сообщили печальную новость, после чего у него не хватило духу возвратиться к Гёте. Последний, впрочем, уже догадывался, что дело плохо. «Шиллер, вероятно, очень болен», – сказал он Христиане и более не говорил ни слова в тот вечер, точно боясь услышать грозную весть. Лишь на следующее

утро он спросил опять: «Правда, что Шиллеру было вчера очень плохо?» Христиана разразилась рыданиями. «Он умер!» – сказал Гёте и закрыл лицо руками…

Когда Гёте пришел в себя, первой его мыслью была увековечить свою дружбу с Шиллером, окончив начатого последним «Димитрия Самозванца». Но он не нашел в себе сил для такого предприятия и написал вместо этого превосходный эпилог к «Колоколу» Шиллера.

Дружба двух великих людей, имевших друг на друга сильное и благотворное влияние, была тем более замечательна, что они чрезвычайно различались характерами и направлением деятельности. Гёте был отъявленным реалистом, Шиллер – идеалистом; Гёте терпеть не мог политики, у Шиллера социологическая струя проявляется уже в первом его крупном произведении – «Разбойниках». Если Гёте подобен своим отношением к искусству древним грекам, ставившим выше всего красоту и естественность, то Шиллера можно сравнить, как это справедливо делает Льюис, с древним римлянином, идеалами которого были свобода и право. Что сближало Шиллера и Гёте – так это их безграничная любовь к искусству, которое являлось их общей целью, хотя стремились они к ней разными путями.

Глава VII. Гёте в последней трети своей жизни

Приближение старости. – Политические волнения. – Иенская битва и вторжение французов в Веймар. – Гёте женится на Христиане Вульпиус. – Поездки в Карлсбад. – Минна Герцлиб, Беттина Брентано и сонеты Гёте. – Эрфуртский конгресс и аудиенция Гёте у Наполеона I. – Выход в свет первой части «Фауста». – Война за освобождение. – Марианна Виллемер и «Западно-восточный диван». – Женитьба сына Гёте. – Поездки в Мариенбад и Ульрика фон Левецов.— Эккерман. – Последние годы жизни Гёте. – Вторая часть «Фауста». – Последняя болезнь и смерть Гёте.

С наступлением девятнадцатого столетия и в особенности после смерти Шиллера в характере и деятельности Гёте постепенно происходит поворот к старости. Нашему поэту было уже более пятидесяти лет, но ему суждено было прожить еще долго и подарить немецкой литературе еще много выдающихся произведений. Сама старость Гёте не походила на старость обыкновенных людей. Это была, конечно, старость физическая, сопровождавшаяся частыми болезнями, хотя в общем Гете оставался и в преклонные лета весьма крепок благодаря своему превосходному сложению; в духовном отношении старость проявлялась в некоторой растянутости, расплывчатости его произведений и меньшей интенсивности непосредственного вдохновения; но что касается живого интереса ко всему сколько-нибудь выдающемуся в области наук и искусств, что касается кипучей деятельности в самых разнообразных направлениях, – в этом отношении Гёте оставался юношей до самой своей смерти.

Вскоре после смерти Шиллера его, проездом в Мюнхен, посетил Якоби. Беседы с Якоби, этим другом юности, оживили в Гёте чувство сожаления о Шиллере. «Мы с Якоби, – пишет он, – любили друг друга, но не понимали. Мне был непонятен язык его философии, а ему было не по себе в мире моей поэзии. Как хорошо было бы, если бы Шиллер явился между нами посредником: он мог бы как мыслитель быть близким к Якоби, а как поэт – ко мне».

Летом 1805 года Гёте познакомился со знаменитым френологом Галлем, учение которого очень интересовало поэта. Галль, ощупывая лоб Гёте, уверял, что он рожден быть народным оратором.

В занятиях естественными науками, хлопотах о постановке на

театре разных пьес и в приготовлениях к новому изданию собрания своих сочинений у книгопродавца Котты провел Гёте остаток 1805 и большую часть 1806 года. В октябре 1806 года Веймар был охвачен небывалой тревогой: приближались победоносные французские войска под грозным предводительством Наполеона. 14 октября произошла знаменитая битва при Иене; вечером французы ворвались в Веймар, и начались грабежи и пожары. Из герцогской фамилии оставалась в Веймаре лишь мужественная герцогиня Луиза. В дом Гёте прибыл молодой французский гусарский офицер и объявил, что здесь поместится маршал с несколькими кавалеристами. Этот молодой гусар был фон Тюркгейм, сын Лили. Но Гёте напрасно ожидал маршала до поздней ночи. Когда он уже лег в постель, раздались сильные удары в двери дома: два французских солдата требовали впустить их, угрожая в противном случае выбить окна. Их впустили и дали им вина. Незваные гости пожелали видеть хозяина, и Гёте вышел к ним в халате. Величественная наружность поэта несколько смутила солдат, и они вежливо выпили за его здоровье. Когда Гёте ушел, гости продолжали угощаться и после изрядной выпивки, забыв всякое почтение к хозяину, вломились в его спальню. К счастью, Христиане, не потерявшей присутствия духа, удалось выгнать их с помощью слуг. Утром приехал на постой к Гёте французский генерал, и у дома поставили караул. Наполеон, прибывший 15 октября в Веймар, был встречен герцогиней Луизой, мужеством и благородством характера так расположившей завоевателя в свою пользу, что ради нее он отнесся снисходительно к герцогу, против которого как союзника пруссаков был сильно раздражен.

Эти дни всеобщего беспорядка и смятения Гёте избрал для того, чтобы наконец закончить браком свое семнадцатилетнее сожительство с Христианой. Близость опасности показала ему все неудобство подобного незаконного сожительства, в особенности по отношению к сыну, и 19 октября, в первое воскресенье после Иенской битвы, Гёте и Христиана Вульпиус были обвенчаны в дворцовой церкви.

Веймарцы успокоились от потрясений и бедствий войны сравнительно скоро благодаря тому, что Наполеон пощадил герцогство Веймарское, заставив его лишь примкнуть к Рейнскому союзу, находившемуся под его протекторатом. Таким образом, и Гёте вскоре мог вернуться к своим обычным занятиям.

1807 год начался среди забот о театре. Гёте уговаривали поставить на сцене «Тассо»; поэт долго противился этому, совершенно справедливо считая пьесу не сценичной, но наконец согласился, и пьеса имела, против ожидания, большой успех. Но

вскоре веселье должно было уступить место трауру: в апреле умерла любимая всеми герцогиня Амалия. Сильно расстроенный ее смертью Гёте чувствовал себя не совсем хорошо и отправился на воды в Карлсбад, который не раз уже восстанавливал его здоровье. Там он пробыл до осени, мало пользуясь обществом и занимаясь научными и литературными заметками. При возвращении в Веймар почитатели встретили его серенадой, что подало Гёте мысль основать общество пения, или «добровольную капеллу», как он ее называл. Мысль эту вскоре удалось осуществить: образовался небольшой кружок, устраивавший по определенным дням репетиции и концерты хорового пения, на которых присутствовал Гёте, все более и более чувствовавший влечение к музыке. Из литературных произведений Гёте начал в этом году символическую драму «Пандора», написал несколько мелких вещей в стихах и прозе и ряд сонетов. Последние были написаны, по-видимому, под впечатлением кратковременной, но страстной привязанности поэта к Минне Герцлиб, восемнадцатилетней девушке, приемной дочери иенского книгопродавца Фромана. С другой стороны, о притязаниях на роль вдохновительницы этих сонетов объявила также Беттина Брентано (впоследствии баронесса фон Арним), дочь Максимилианы Брентано, которою, как мы знаем, Гёте увлекался в своей молодости. Беттина Брентано была пылкая и чрезвычайно эксцентричная девушка, которая еще почти ребенком заочно влюбилась в Гёте. Посетив Гёте впервые в апреле 1807 года (в Веймаре), она прямо бросилась к нему на шею. Отстраняясь от ее страстных излияний, Гёте относился к ней ласково, как к ребенку; впоследствии он просил ее как жительницу Франкфурта и близкую знакомую его матери писать ему как можно больше о его детстве и юности – все, что она об этом узнает. Но дружба с Беттиной продолжалась недолго: вскоре после своего выхода замуж она поссорилась с женой Гёте, так что в доме поэта ее перестали принимать. Беттина написала целую книгу, в которой доказывала, что Гёте был влюблен в нее и писал для нее сонеты, но критика давно уже признала ненадежность этих доказательств.

В следующем году Гёте отправил своего сына Августа в Гейдельбергский университет изучать право, а сам весною снова уехал в Карлсбад, где сперва продолжал «Пандору», а затем отдался развлечениям среди блестящего общества, съехавшегося на знаменитый курорт. По возвращении в Веймар (в сентябре) он потрясен был печальною вестью о кончине своей матери, которая умерла во Франкфурте на 86-м году жизни. Вскоре, однако, политические события ослабили тяжелое впечатление от этой потери: в Эрфурте состоялся конгресс монархов, в котором

участвовали императоры Наполеон и Александр I и множество королей, герцогов и других владетельных особ. По приглашению Карла-Августа Гёте также отправился в Эрфурт, чтобы принять участие в придворных торжествах. 2 октября Гёте имел аудиенцию у Наполеона, который, посмотрев на него, воскликнул: «Vous êtes un homme!»[1] Затем шел оживленный разговор о произведениях Гёте и вообще о литературе. Император отнесся к Гёте с большим вниманием; приехав через несколько дней в Веймар и встретив поэта на балу, он опять долго беседовал с ним и приглашал посетить Париж, а еще через несколько дней пожаловал ему крест Почетного Легиона, что в то время считалось чрезвычайною честью.

В этом (1808) году вышли в свет 12 томов сочинений Гёте, изданные Коттой. В восьмом томе помещена была, между прочим, *вся* первая часть «Фауста» в том виде, как мы ее знаем в настоящее время. Это великолепное произведение не оказало на современную публику того впечатления, какое можно было ожидать. Но мало-помалу оно было оценено по достоинству и признано лучшим творением Гёте, не имеющим равного ни в одной литературе. «Фауст» по справедливости закрепил за Гёте славу царя поэтов.

Следующие три сравнительно мирных года (1809—1811) прошли среди усердной научной и литературной работы. Гёте продолжал свои занятия по оптике, написал замечательный роман «Избирательное сродство», в котором отчасти воплотил историю своих отношений с Минной Герцлиб, начал свою автобиографию под заглавием «Поэзия и правда моей жизни» и сочинил ряд мелких произведений в стихах и прозе. Состояние здоровья заставляло его опять два раза ездить в Карлсбад; в первую из этих поездок (1810 год) он познакомился с австрийской императрицей Луизой и, продолжая лечение в Теплице, довольно близко сошелся с Людвигом Наполеоном, королем Голландским, который жил с ним в одном доме.

С 1812 года вновь начались политические волнения, охватившие всю Европу, – волнения, столь несимпатичные нашему поэту, другу мирного, постепенного и непрерывного прогресса. Поход Наполеона в Москву, бегство и гибель великой армии, война за освобождение, отчаянные усилия Наполеона возвратить утраченную власть, конгрессы и переделки политической карты Европы – все эти грандиозные события, глубоко волновавшие современников, мало отзывались в душе Гёте. Он держался совершенно в стороне от национального движения, охватившего всю Германию, не обращая внимания на упреки в отсутствии патриотизма. Он видел войну своими

глазами, слышал свист бомб и ядер над своей головой, ночевал на биваке под открытым небом и вынес из этого опыта глубокое отвращение к войне. «Опять война? Уму плохая в ней отрада!» – говорит Фауст, когда Мефистофель приглашает его помочь императору победить мятежников. В этих словах слышится голос самого Гёте. «Писать воинственные песни и сидеть у себя дома? – спрашивал он. – Хорошо бы это было! Другое дело писать их на биваке, где слышно ржание лошадей с неприятельских форпостов. Но это не моя роль, я не гожусь для этого. Тут нужен Кернер, который в своих военных песнях находится в своей сфере, а для меня, при полном отсутствии воинственности в моем характере, это значило бы надевать маску, вовсе мне не идущую к лицу». И Гёте уединялся, замыкался в себе тем упрямее, чем сильнее свирепствовала вокруг военная непогода. Он писал свою автобиографию, сочинял баллады и шутливые стихотворения, занимался историей и поэзией Востока: Персии и Китая, – как бы нарочно стараясь удалить себя от раздражающей современности. Он предпринимал в это время (1812—1815 годы) также путешествия: ездил в Карлсбад и Теплиц, где познакомился с Бетховеном, и два раза путешествовал по Рейну. Во Франкфурте Гёте близко сошелся в 1814 году с семейством банкира фон Виллемера, заинтересовавшись главным образом его молодою женой Марианной. Марианна фон Виллемер была весьма замечательная женщина. В ранней юности актрисой она участвовала в балетах и комедиях, потом была взята на воспитание фон Виллемером и вскоре вышла за него замуж. Она отличалась умом, веселостью и необыкновенным уменьем оживлять общество, а также была одарена недюжинным поэтическим талантом и писала очень недурные стихотворения на разные случаи. Гёте почувствовал к ней живейшую склонность и в 1815 году снова посетил Виллемеров в Висбадене. Марианна под именем Зулейки играет видную роль в сборнике стихотворений в восточном вкусе, озаглавленном «Западно-восточный диван». Еще в 1813 году Гёте был чрезвычайно заинтересован выходом в свет полного собрания стихотворений персидского поэта Хафиза в немецком переводе Хаммера. Стихотворения эти так понравились нашему поэту, что ему захотелось самому написать что-либо подобное. И вот он начал изучать в английском переводе Моаллагат – сборник арабских стихотворений, перечитывать знакомую уже ему «Биографию Магомета» Эльснера и познакомился с несколькими ориенталистами, чтобы составить себе представление о жизни народов Востока. Результатом этих трудов и был «Диван», названный «западно-восточным» потому, что он имел лишь

внешность восточную, а содержанием своим был обязан местным впечатлениям, преимущественно отношениям поэта к Марианне фон Виллемер. Во многих из стихотворений «Дивана» Гёте под именем Хатема и Марианна под именем Зулейки играют роль влюбленных и обмениваются страстными излияниями. Некоторые (немногие) стихотворения этого сборника написаны Марианной Виллемер.

Когда Гёте возвратился в октябре 1815 года в Веймар, политический горизонт был уже ясен, и наш поэт мог совершенно спокойно предаться своим обычным занятиям. Он начал издавать журнал «Искусство и древность» («Kunst und Alterthum»), пополнял «Диван» новыми стихотворениями, занимался естественными науками, продолжал свою автобиографию и выпускал один за другим добавочные тома полного собрания своих сочинений.

1816 год ознаменовался для Веймара возведением герцога в великогерцогское достоинство и установлением конституционного образа правления. Гёте в качестве министра получил значительное увеличение содержания (до трех тысяч талеров). Но год этот был для Гёте годом тяжелой потери: жена его умерла от апоплексии. Вся любовь старика поэта обратилась теперь на его сына Августа – умного, аккуратного и практичного молодого человека, который с успехом стал заведовать домашними делами. В 1817 году Август женился на девице Оттилии фон Погвиш, и молодая чета поселилась в доме Гёте, куда переехала вскоре и сестра Оттилии, Ульрика. Все это повело к оживлению дома и придало ему такой уютный семейный характер, что стареющий поэт чувствовал себя чрезвычайно счастливым в своем домашнем кругу. Он все более и более стал сосредоточиваться на своих любимых занятиях, тем более что единственной официальной обязанностью его оставался лишь общий надзор за научными и художественными учреждениями; даже от управления театром он отказался после небольшой ссоры с Карлом-Августом, приказавшим поставить пьесу, в которой на сцену выходила собака, и не обратившим внимания на решительный протест Гёте. Театр, впрочем, уже ранее стал приходить в упадок, так как его покинули лучшие актеры, соблазненные выгодными предложениями из Берлина.

В 1819 году Гёте исполнилось семьдесят лет. День его рождения был торжественно отпразднован во Франкфурте, откуда поэту прислали золотой лавровый венок. Со всех сторон Германии получил он поздравления и подарки. Наиболее приятен был ему подарок великого герцога Мекленбург-Стрелицкого, который приобрел часы, стоявшие в доме отца Гёте во время

детства поэта, и велел их тайно поставить в доме престарелого автора «Фауста». Услышав бой этих часов и увидев драгоценный подарок, Гёте не мог удержаться от слез.

Годы шли за годами в спокойной и постоянной деятельности; Гёте все более и более уединялся и сделался наконец настоящим «веймарским отшельником», уединение которого прерывалось лишь деловыми поездками в Иену и лечебными в Карлсбад и Мариенбад. В одну из этих поездок престарелому поэту суждено было встретить женский образ, который возбудил в нем страстную вспышку любви, озарившей еще раз ярким светом спокойный вечер его жизни. Летом 1822 года познакомился он в Мариенбаде с красивой молодой девицей – Ульрикой фон Левецов, которая приняла живейшее участие в его научных занятиях, в особенности по метеорологии —предмету особого увлечения Гёте со времени его знакомства с трактатом Говарда о форме облаков. Девушка также влюбилась в старика поэта, но умела сдерживать себя, так что Гёте, лишь уехав в Веймар, почувствовал всю тяжесть разлуки с нею. Зимою, в начале 1823 года, поэт опасно захворал воспалением околосердечной сумки и едва не умер. Но крепкая натура семидесятитрехлетнего старика на этот раз взяла еще верх над болезнью. Веймарцы отпраздновали выздоровление своего поэта торжественным спектаклем (давали «Тассо»), и на сцене при шумных рукоплесканиях публики был возложен лавровый венок на бюст Гёте. В середине следующего лета поэт поспешил опять в Мариенбад, куда приехала и Ульрика фон Левецов. Их общие занятия метеорологией возобновились, а вместе с тем и взаимная склонность их усилилась до такой степени, что в конце сезона распространился слух о предстоящей помолвке Гёте с Ульрикой. Но благоразумие взяло верх над увлечением, противоестественный брак семидесятичетырехлетнего старика с молодой девушкой не состоялся, и вообще, уехав из Мариенбада, Гёте не встречался более с девицей фон Левецов.

В 1823 году Гёте завязал еще одно знакомство, имевшее значение в его жизни. В июне, незадолго перед отъездом поэта в Мариенбад, к нему явился молодой начинающий писатель Иоганн Эккерман, с которым Гёте впоследствии чрезвычайно сблизился, сделав его доверенным лицом во всех своих литературных делах. Эккерман – аккуратный и трудолюбивый немец – вел подробный дневник своих сношений с великим поэтом, и изданные им «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» представляют собою чрезвычайно интересную книгу, имеющую большое значение для биографии поэта.

Что касается литературных произведений Гёте в период 1812

—1823 годов, то, кроме многочисленных стихотворений, продолжения «Дивана», разных научных и критических статей, он написал драму «Пробуждение Эпименида» и роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Драма имела большой успех на Берлинском театре (1815 год), так как публика приняла ее за патриотическое произведение, символически изображающее пробуждение немецкого народа от рабского сна. «Годы странствий», напротив, были встречены с недоумением и неудовольствием: одни порицали роман за запутанность и отсутствие всякой связи между его частями, другие находили его безнравственным.

В 1826 году в Веймаре было торжественно отпраздновано пятидесятилетие служебной деятельности Гёте, началом которой великий герцог считал день первого приезда Гёте в Веймар. Множество поздравлений, подарков, почетных дипломов, вечером – блестящая иллюминация города и торжественное представление «Ифигении» в театре – все это произвело сильное впечатление на престарелого поэта. «Как впечатление несчастия смягчается временем, – писал он Цельтеру, – так и счастие нуждается в этом благодетельном смягчении. Лишь мало-помалу прихожу я в себя после волнения, испытанного мною 7 ноября».

Последние годы жизни Гёте, по справедливому выражению одного из его биографов, можно уподобить долгому тихому вечеру великолепного дня. Окруженный заботами своей невестки, сына и друзей, поэт-мыслитель мирно «вращался в зодиаке своих домашних занятий», то исследуя какой-либо научный вопрос, то диктуя своим секретарям статьи различного содержания, то отдаваясь наедине поэтическому творчеству, то принимая знаменитых ученых, писателей и артистов, столь часто посещавших Веймар. Одним только омрачалась эта светлая, деятельная и славная старость: поэту суждено было пережить целый ряд близких и лучших друзей, один за другим сходивших в могилу. В 1827 году умерла баронесса фон Штейн, с которой Гёте за последнее время снова примирился и сблизился; в 1828 году скончался царственный друг поэта, великодушный и благородный Карл-Август, а в 1830 году умерли великая герцогиня Луиза и сын Гёте. Август скончался после сильного нервного расстройства, бывшего следствием крайне неправильной жизни, которую он вел. Все эти потери, особенно смерть единственного сына, глубоко потрясали старика, но он мужественно преодолевал эти потрясения и находил утешение в неустанной разносторонней деятельности. Громадный литературный материал, накопившийся у Гёте в течение его долгой и плодотворной жизни, был приведен с помощью Эккермана в порядок, так что в 1830 году вышли

последние из 40 томов полного собрания сочинений нашего поэта. Мало того: Гете в течение последних лет своей жизни нашел в себе силы создать такое грандиозное произведение, как вторая часть «Фауста». В 1824 году Гёте готовил к печати восемнадцатую книгу своей автобиографии и хотел включить в нее план второй части «Фауста», на окончание которой он было потерял уже всякую надежду. Но Эккерман стал настоятельно советовать поэту сперва пересмотреть хорошенько все отрывки второй части, имеющиеся налицо, и тогда уже подумать, следует ли ограничиться одним планом. Гёте внял этому совету и пришел к решению попытаться закончить «Фауста». В 1825 году он принялся за его продолжение, а в июле 1831 года громадный труд был приведен к концу. Гёте вполне понимал значение этого подвига и чувствовал себя чрезвычайно счастливым. «Дальнейшую свою жизнь, – сказал он Эккерману, – я считаю теперь для себя не более как подарком; теперь, в сущности, все равно, сделаю ли я еще что-нибудь или нет».

Научные занятия украсили собой последнюю зиму, которую суждено было прожить нашему поэту. Он занимался преимущественно столь сильно интересовавшей его теорией цветов, развил теорию радуги, изучал с жадным вниманием «Зоологическую философию» Жоффруа Сент-Илера, писал о пластической анатомии. В один из дней марта 1832 года Гёте сильно простудился и слег в постель. В течение следующих дней болезнь как будто начала проходить, но в ночь с 19 на 20 марта наступило внезапное ухудшение. Мучительные припадки озноба и страшной боли в груди продолжались до утра. Затем опять наступило облегчение, но слабость больного все увеличивалась, и наконец, 22 марта утром, началась агония. Сидя в кресле, умирающий поэт говорил с окружавшими его родными, врачом и слугами о разных предметах. Речь его становилась все менее и менее ясной; последние слова, которые можно было разобрать, были: «Побольше свету!» В половине двенадцатого он откинулся в угол кресла и тихо заснул навеки. Великогерцогская усыпальница приютила прах его рядом с саркофагами Карла-Августа, великой герцогини Луизы и бессмертного друга его – Шиллера.

Глава VIII. Гёте как человек и деятель

Характер Гёте. – Нравственность, религия, философские и политические убеждения. – Тёте как художник и поэт. – Его стихотворения и главнейшие крупные произведения. – Гёте как естествоиспытатель. – Многосторонность его деятельности.

Обрисовать в кратких чертах личность такого замечательного человека, как Гёте, – задача нелегкая. Нелегка она, во-первых, вследствие сложности его натуры, а во-вторых, вследствие той субъективности, с которой люди обыкновенно судят о характерах других людей и которой всего более следует избегать при суждении о великом человеке.

Одно не подлежит сомнению: личность Гёте была в высшей степени обаятельна. Ребенком он привлекал общее внимание и любовь своею красотой, в особенности чудными глазами и роскошными кудрями, а также своей живостью, наблюдательностью и не по-детски самостоятельным умом; юношей он пленял всех своей огненной, порывистой, гениальной натурой, а в старости, сделавшись чрезвычайно сдержанным и спокойным, внушал невольное почтение своим олимпийским величием. Что он был любимцем и баловнем женщин, на это указывает длинный ряд его любовных приключений, начинающийся, когда ему было всего четырнадцать лет, любовью к Гретхен и оканчивающийся лишь в старости поэта увлечением Ульрикой фон Левецов. Не меньшее очарование производил он и на мужчин, особенно в блестящее время своей юности и в расцвете «гениального периода»; но и в период его старости, когда от него «веяло холодом», все, кому выпадало на долю счастье видеться и говорить с ним, выносили из этого свидания глубокое впечатление, как о том красноречиво свидетельствует пример Наполеона I. Нет ничего удивительного, что Гёте был до некоторой степени избалован таким всеобщим вниманием к нему, особенно в первое время его жизни в Веймаре, в чем он и сам сознается. «Я не могу себе представить, – говорил он, – более претенциозного человека чем тот, каким я был в то время. Кажется, если бы мне возложили на голову корону, то я принял бы это как нечто должное и совершенно естественное».

Весьма существенной чертой характера Гёте была его чрезвычайная серьезность, заставлявшая его отдавать себе отчет во всем, что ему случалось видеть и узнавать. Черта эта начала проявляться с самого раннего детства и выразилась, между

прочим, в том, что гениальный ребенок очень любил общество взрослых и старых людей; в юности эта же особенность характера стала причиной того, что ему скорее, чем кому-либо другому, надоели шумные удовольствия веймарского двора. Рядом с серьезностью в нем было необыкновенно много любознательности, которая не давала ему долго сосредоточиваться на одном предмете, а побуждала обращаться все к новым и новым занятиям и предприятиям. Любознательность эта была естественным следствием общей впечатлительности Гёте, в детстве и в ранней юности принимавшей иногда слишком нервный, болезненный характер в частности потому, что молодой поэт был почти постоянно окружен обществом женщин: матери, сестры, девицы Клетенберг. Отец Гёте не без основания спешил отправить Вольфганга в Страсбург, отчасти именно с целью избавить его от изнеживающего женского ухода. Впрочем, остаток этой болезненной впечатлительности сохранился у Гёте на всю жизнь в виде отвращения ко всяким зрелищам разрушения, страдания и смерти. Он не мог, например, спокойно видеть похорон и не присутствовал на погребении своих лучших друзей – Шиллера и Карла-Августа.

Благодаря своей любознательности Гёте уже в детстве обладал громадным количеством сведений по самым различным отраслям знания и искусства. Его интересовали даже такие сухие предметы, которые, казалось бы, должны быть совершенно чужды душе ребенка. Так, мы видели, что двенадцатилетний Гёте по собственной инициативе стал изучать древнееврейский язык и долго бился над ним, преодолевая трудности сложной еврейской грамматики и головоломного еврейского письма. Правда, при этом он имел в виду единственную цель: изучить Библию в подлиннике; но это доказывает лишь, что наряду с любознательностью юный поэт отличался и большой силой воли, которую он проявлял во многих случаях своей жизни, умея в критические моменты владеть собой и находя в себе достаточно самообладания, чтобы отучаться от всего, что казалось ему достойным порицания, а также и переносить с достоинством самые тяжкие потери.

Нет сомнения, что менее гениальный человек, чем Гете, при такой широкой любознательности, какая была ему свойственна, бесполезно расточил бы свои таланты, «разбросался» бы без всякого результата. Но Гёте благодаря своим необычайным дарованиям оставил по себе глубокий след почти во всех областях знания, с которыми он имел дело. Правда, он чувствовал себя все-таки более всего поэтом и иногда, в старости,

выражал даже сожаление, что занимался в своей жизни слишком разнообразными предметами. «Я слишком много потратил времени на такие вещи, которые не принадлежали моей специальности, – говорил он Эккерману. – Когда я подумаю, сколько сделал Лопе де Вега, то число моих поэтических произведений представляется мне весьма незначительным. Мне следовало бы более держаться моего собственного ремесла… Если бы я меньше возился с минералами и лучше употребил свое время, то я обладал бы прекраснейшим венцом из лучших алмазов». Но поэт, занимаясь всеми искусствами и науками, лишь следовал неодолимому природному инстинкту, который побуждал его к всестороннему развитию своего ума, и едва ли следует особенно жалеть об этом. По справедливому замечанию Фихоффа, «из стремления Гёте к универсальности произошли плоды, которых нельзя было бы получить другим путем. Если мы и лишились через это дюжины-другой поэтических произведений, то подобная потеря с избытком уравновешивается великолепным образцом богато и гармонически развитого человека, образцом, который не только восхищал современников, но и служит предметом поучения потомству».

Что Гёте был человеком колоссального ума и необыкновенно талантливым, – об этом не станет спорить никто. Но был ли он добрым и хорошим человеком в общепринятом смысле, – вот вопрос, на который отвечают различно. Весьма распространено мнение, что Гёте был эгоист, заботившийся лишь о своем собственном благополучии, мало интересуясь другими людьми. Мнение это основывается главным образом на той замкнутости, несообщительности и внешней холодности, которые отличали Гёте во вторую половину его жизни. Гёте, действительно, мог и должен был казаться эгоистом, как об этом свидетельствуют письма Шиллера, касающиеся первых свиданий его с Гёте; но именно история отношений обоих великих поэтов служит лучшим доказательством того, что Гёте только *казался* эгоистом, но не был им в действительности. Как почти все даровитые люди, Гёте был чрезвычайно самолюбив и с юных лет знал себе цену; кроме того, он всегда дорожил мнением лишь немногих лиц, пренебрегая одобрением толпы. Как мы видели, зачатки презрения к ходячим людским мнениям зародились у него еще в раннем детстве, под влиянием разговоров в доме деда о Фридрихе Великом. Хотя Гёте и говорит в своей автобиографии, что эти чувства презрения и неуважительности к людям со временем ослабели, но на деле это было не совсем так. Длинный ряд успехов на различных поприщах и громкая слава, а с другой стороны, осуждение публикой тех из его произведений, которые

он сам высоко ценил и которые действительно отличаются выдающимися достоинствами («Ифигения», «Тассо», «Эгмонт»), напротив, укрепили в нем недоверие и презрение к мнению большинства, как это ясно видно из одного его стихотворения, озаглавленного «Завещание», где он говорит, между прочим:

И если ты свой ум устроил,
И твердо лозунг свой усвоил:
«Что плодотворно, только в том
Есть истина», – то без волненья
Толпы выслушивай все мненья
И соглашайся – с меньшинством.

Так как Гёте часто не стеснялся открыто выражать этот свой взгляд на мнение публики и держал себя большей частью довольно недоступно и несколько высокомерно, то нет ничего мудреного в том, что весьма многим лицам он казался в годы своей старости несимпатичным, и только люди, близко знавшие его, могли видеть, какое сердце скрывается под его напускной холодностью.

Кроме указанных обстоятельств, кажущаяся холодность Гёте обусловливалась также многочисленностью и разнообразием его интересов. При массе мыслей, идей и образов, которые постоянно роились в его голове, при неудержимом инстинктивном стремлении творить, создавать, воплощать возникающие в уме представления, при той неутолимой любознательности, которая не покидала его до глубокой старости, до последнего дня жизни, – удивительно ли, что Гёте жил преимущественно своей богатой индивидуальной жизнью и склонен был уединяться от общества? Весьма многие из тех, которые слывут добрыми людьми, готовыми всегда помочь или посочувствовать ближнему, пользуются такой репутацией лишь благодаря малому развитию своей индивидуальности, бедности своей личной внутренней жизни; человек же, у которого жизнь так полна, как у Гёте, делает неисчислимое добро уже тем, что печется о всестороннем развитии и приложении своих дарований, ведь для этого нужно столько времени, спокойствия духа и свободы действий, что не остается ни малейшей возможности вести такой образ жизни, какой ведут обыкновенные «добрые люди».

Если прибавить ко всему этому, что Гёте в зрелом возрасте не терпел показной чувствительности и старался по возможности не выражать своих чувств перед посторонними, как бы сознавая, что истинное чувство всегда стыдливо и скрытно, то станет еще более понятным, почему за ним укрепилась во мнении многих и многих

репутация человека холодного.

К счастью, сохранилось вполне достаточное количество неопровержимых доказательств того, что нашему поэту совершенно чужда была всякая черствость души, что сердце его, по справедливому выражению Юнга Штиллинга, было так же велико, как и его ум. Зная необычайную правдивость Гёте как лирического поэта, черпавшего материал для своих стихотворений почти исключительно из своей собственной жизни, нельзя не обратить внимания на превосходную оду его «Божество в человеке» («Das Göttliche»), которая начинается следующей строфой:

Будь благороден, человек,
Будь к помощи готов и добр!
Знай: только в этом
Твое отличье
От всех созданий,
Каких ты знаешь.

Жизнь Гёте богата фактами, доказывающими, что эти благородные слова не были только словами. Много раз помогал он бедным людям, обращавшимся к нему с жалобами на свою судьбу; многих знакомых и друзей поддерживал он своим влиянием и деньгами, даже когда его собственные средства были еще весьма скудны. Еще в первый год своего пребывания в Веймаре он устроил подписку в пользу нуждающегося поэта Бюргера, а страсбургскому своему приятелю Юнгу Штиллингу, обремененному долгами, послал тридцать луидоров, – сумму немалую для того времени, когда за свою «Стеллу» Гёте получил гонорар всего в двадцать талеров. Гердеру, сильно допекавшему его своими резкими выходками, поэт доставил выгодное место в Веймаре и устроил воспитание детей его на казенный счет. Чрезвычайно трогательна история сношений Гёте с одним несчастным ипохондриком, которого поэт много лет поддерживал деньгами и советами, выплачивал ему пенсию из своего жалованья, снабжал платьем и разными другими вещами и наконец похоронил за свой счет. Имя этого бедняка осталось неизвестным, так как Гёте тщательно скрывал, кому он оказывает благодеяния. Как видно из последнего примера, «великий язычник» Гёте был *на деле* гораздо более христианином, чем многие из ортодоксальных верующих. Теплое участие принимал он также в судьбах простонародья. Когда в 1779 году разразился ужасный пожар в местечке Апольд, населенном ремесленниками (ткачами), Гёте целый день «жарился», помогая на пожаре, и

впоследствии всячески хлопотал о погорельцах.

Этих фактов, кажется, достаточно, чтобы доказать, что Гёте не был равнодушен к бедствиям ближних. Но есть и другие доказательства того, что он обладал женственно нежным сердцем. Так, он чрезвычайно любил детей, и сам был их любимцем. Когда Гёте должен был уехать из Вецлара, чтобы положить конец фальшивому положению, в которое он попал, влюбившись в Шарлотту, невесту Кестнера, – младшие братья и сестры Лотты были крайне огорчены его отъездом. В Веймаре, сблизившись с г-жой фон Штейн, Гёте сильно привязался к ее сыну Фрицу и превосходно воспитал этого мальчика.

Чтобы закончить общий очерк характера Гёте, укажем еще на одну черту, не имеющую особенного значения, но довольно интересную. Гёте был довольно суеверен. Он любил иногда вопрошать судьбу посредством гадания, верил предчувствиям, верил в счастливые и несчастливые дни и так далее. Однажды, проходя по берегу реки, он бросил сквозь кусты в воду ножик, загадав, что если он увидит падение ножа в воду, то ему следует заняться живописью, а если сквозь кусты этого падения не будет видно, то ему не быть живописцем. 22 марта Гёте считал для себя несчастным днем. Как известно, он умер 22 марта 1832 года и, как говорят, неоднократно спрашивал утром в этот день, которое число. Эта наклонность к суеверию отчасти объясняется живой фантазией поэта и неослабным влиянием на него впечатлений детства, когда ум его был в особенности расположен ко всему таинственному, чудесному.

Почти столь же часто, как обвинение в эгоизме, возводили на Гёте и другое обвинение – в безнравственности. Еще в ранней юности он имел в глазах многих лиц репутацию испорченного юноши вследствие того, что был замешан в скандальную историю с Гретхен и ее веселой компанией. В Лейпциге на него тоже косились, особенно когда он написал сатиру на профессора Клодиуса; граф Линденау, узнав, что Бериш, служивший гувернером при его сыне, водит знакомство с Гёте, сразу отказал Беришу от места. Клопшток, как мы видели, резко упрекал Гёте за будто бы дурное влияние, которое он оказывал на герцога Карла-Августа. Особенно ополчились разные лица на нашего поэта после выхода в свет его «Римских элегий» – за их якобы бесстыдную чувственность. «Вильгельм Мейстер» также считался безнравственным произведением.

Как и в случае с обвинениями в эгоизме, Гёте отчасти сам способствовал распространению представления о нем как о человеке безнравственном. Пренебрегая мнением толпы вообще, он считал себя одного высшим судьей своих поступков. Если ему

что-либо казалось справедливым и хорошим, то он не колебался поступить согласно со своим взглядом и смело бросал перчатку общественному мнению. В стихотворении «Завещание», отрывок из которого мы приводили выше, Гёте говорит:

Направь свой взор пытливой,
Во глубь души своей правдивой,
Чтоб в ней решимость почерпнуть;
Там высших правил свод и повесть:
Самостоятельная совесть
Во всех делах твой светоч будь!

Связь с Христианой и последующая женитьба на ней вопреки всем толкам и пересудам достаточно доказывают, как самостоятелен и последователен был Гёте в проведении принципа, высказанного в только что приведенной строфе. Такое презрение к общепринятой условной морали никогда не проходит безнаказанно. «Существует двоякая нравственность, – говорит Фихофф, – общая и специальная. Первая проста, вечно и везде имеет силу; вторая изменчива для разных стран и времен и отличается сложностью. По законам общей нравственности тот человек хорош, который, будучи свободен от эгоизма, любит ближних как самого себя; а по правилам специальной морали хорош только тот, который соблюдает обычаи и нравы, рассчитанные на общее благо. Гёте считал себя чистым с точки зрения общей нравственности и успокаивался на этом». Если же вспомнить, что никто так не упрекал Гёте в безнравственности, как веймарские дамы, сами отличавшиеся изрядной распущенностью и, по свидетельству Шиллера, все до одной хорошо знакомые с разными любовными приключениями, – то нетрудно составить себе понятие о том, чего стоила веймарская «специальная нравственность».

Люди, для которых условная мораль олицетворяет незыблемые устои общественной жизни, конечно, не могут не осуждать человека, склонного руководиться в своих действиях исключительно внушениями собственной совести, хотя бы он и старался соблюдать при этом основное и высшее правило нравственности: не делай и не желай другому того, чего не желаешь себе. По отношению к этому правилу Гёте, действительно, имел основание не бояться упреков; что же касается условной морали, то в жизни, как в искусстве, он был склонен всегда стоять как можно ближе к природе, почти не обращал внимания на суждение общества и мог, конечно, казаться безнравственным с узкой точки зрения немецких

филистеров и филистерш.

Смешно было бы оправдывать Гёте в тех кутежах и излишествах, которые он позволял себе в молодости, как смешно было и называть его за это безнравственным. В истории с Гретхен он был замешан лишь как влюбленный в эту девушку, а о проделках компании узнал последним; если он вел неправильную жизнь в период своего лейпцигского студенчества, то какой же студент никогда не кутил и что в этих кутежах особенно безнравственного? Серьезнее те обвинения, которые выставляют на вид его непостоянство в любви и нерасположение к женитьбе. Действительно, когда читаешь историю Фридерики Брион, то сердце невольно сжимается от жалости к этой милой благородной девушке, которую Гёте увлек и затем покинул. Но, во-первых, отношения его к Фридерике, как и к другим девушкам, которыми он увлекался, не заходили слишком далеко, доказательством чему служит то, что все эти девушки или повыходили замуж (Кетхен, Лотта, Лили), или же получали предложения, от которых отказывались по собственной воле (Фридерика). Во-вторых, Гёте сам увлекся Фридерикой невольно и со всею искренностью и легкомыслием двадцатилетнего юноши, от которого невозможно требовать, чтоб он с первого же дня знакомства с симпатичною ему девушкой рассуждал, может ли он на ней жениться или нет. Та же причина, которая не позволила ему жениться на Фридерике, без сомнения, не позволила жениться и на Лили: он был уверен, что брак этот не будет счастливым, и потому решился остановиться вовремя. Нерасположение Гёте к женитьбе является едва ли не главным его недостатком в глазах его немецких биографов. Забавно видеть, как они сожалеют об этой прискорбной, по их мнению, черте в жизни великого поэта, как ставят ему в пример Шиллера, как находят чуть ли не единственный недостаток г-жи фон Штейн в том, что она будто бы удержала Гёте от своевременной женитьбы. Так и представляешь их усердными союзниками г-жи Дельф, которая из сил выбивалась, лишь бы женить Гёте на Лили или на какой-нибудь другой девице. Между тем действительная причина, удерживавшая поэта от брака, заключалась, по-видимому, в осознании лежащих на нем трудных и многочисленных задач и в желании быть свободным для подготовки к их осуществлению. Всякая женитьба, хотя бы и самая счастливая, до известной степени связывает человека, налагая на него многочисленные обязанности. Карлос в «Клавиго» Гёте восклицает: «Жениться! Жениться как раз в то время, когда жизнь только готовится развернуться во всю ширь! Создать семью, ограничить себя, когда еще не совершил и половины своего пути, не сделал еще и

половины своих завоеваний!» Такие же мысли волновали, по-видимому, и самого Гёте, когда он думал о браке. Свое духовное развитие Гёте счел относительно законченным только после поездки в Италию, – и как раз после этой поездки он и сделался семьянином, хотя в подруги жизни и выбрал себе вовсе не такую женщину, как ожидали в Веймаре. Раз связав свою судьбу с женщиной, он был уже примерным супругом и отцом семейства.

Что касается сочинений Гёте, то в настоящее время едва ли кому-либо придет в голову считать безнравственными, например, «Римские элегии» или «Вильгельма Мейстера». Элегии могут шокировать только тех, кого оскорбляют наивные описания Гомера, Овидия и других древних классиков или кого наводят на дурные мысли обнаженные мраморные статуи великих скульпторов. «Вильгельм Мейстер» безнравствен разве лишь тем, что в нем поэт совершенно объективен, не дает никаких нравственных оценок поступкам действующих лиц; словом, по меткому выражению Льюиса, мы в этом произведении «не видим даже и полы проповеднического стихаря».

К общим обвинениям Гёте в безнравственности примыкает и упрек в том, что он будто бы был честолюбивым и льстивым царедворцем. Много раз обсуждался вопрос, зачем Гёте избрал себе придворную карьеру, которая якобы затрудняла свободное развитие его поэтического таланта. На этот вопрос лучше всего отвечает Льюис: «Гёте должен был избрать себе какую-нибудь карьеру. Довольствоваться карьерой поэта в то время было столь же невозможно, как и теперь; карьера эта весьма соблазнительна, она дает славу, но – не дает денег… Обвиняющие его в том, что он тратил время на придворные пиршества и на такие правительственные дела, которые столь же хорошо, как и он, могли бы исполнить другие, должны бы хорошенько подумать, сберег ли бы он время, если бы, например, посвятил себя юриспруденции и вынужден был бы толкаться по залам франкфуртских судов?» Если прибавить к этому, что придворная карьера, обеспечивая Гёте в материальном отношении, давала ему громадный жизненный опыт и почти безграничные возможности для наблюдений над общественной жизнью, то выбор этой карьеры станет понятным и без предположения, что поэта влекло к ней честолюбие. Талант его вовсе не ослабел при дворе; это достаточно доказывается тем фактом, что длинный ряд своих лучших произведений Гёте написал после того, как поселился в Веймаре. Лишен всякого основания и упрек в низкопоклонстве перед коронованными особами. Гёте, правда, всегда соблюдал правила вежливости, а когда нужно – и этикета, но он не церемонился отказывать герцогу в его просьбах,

отказался явиться ко двору при приеме короля Виртембергского и вообще держал себя вполне независимо. Известен анекдот о встрече Гёте и Бетховена в Карлсбаде с австрийской императрицей. Гёте очень вежливо раскланялся первый, а Бетховен ждал первого поклона со стороны лиц императорской фамилии и только кое-как ответил на этот поклон. Если этот анекдот о чем-либо и свидетельствует, то разве лишь о невоспитанности Бетховена, а не о низкопоклонстве Гёте.

Религиозные воззрения Гёте, как и его взгляд на нравственность, не раз были предметом сокрушения его друзей и злобной критики врагов. Обладая в высшей степени самостоятельным умом, Гёте, как мы видели, с самого раннего детства интересовался религиозными вопросами и старался создать собственную религию. В соответствии с теми влияниями, которым он подвергался в течение жизни, он много раз видоизменял свои религиозные воззрения, но никогда, даже в эпоху наибольшего сближения с девицей фон Клетенберг, не мог всецело примкнуть ни к одной религиозной секте. Библию он глубоко чтил и чрезвычайно интересовался ею, но гораздо более как историческим и литературным памятником, чем как религиозной книгой. Чем ближе знакомился Гёте с естествознанием и с классическим искусством, тем сильнее удалялся он от общепринятых форм религии, а по возвращении из Италии стал выражаться об этих формах так резко, что глубоко огорчил своих религиозных друзей и заслужил прозвище «великого язычника». С этого времени религией Гёте окончательно сделался так называемый *пантеизм,* то есть признание безличного божества как животворной силы, разлитой в природе и нераздельной с нею. Гёте верил в бессмертие души, как это видно из разговора его с Фальком после смерти Виланда. Вообще же его религия была скорее философски-эстетическая, чем этическая, хотя он чрезвычайно высоко ценил христианское нравственное учение.

«Как бы ни была высока умственная культура, как бы глубоко и широко ни разрослось знание, просветляя человеческий разум, – не может никогда человек стать выше той нравственной культуры, которая озаряет нас своим светом со страниц Евангелия», – говорил он Эккерману. Выше мы видели, что с нравственной стороны Гёте нередко выказывал себя человеком, поступающим по отношению к ближним истинно по-христиански.

Из только что сделанного очерка этических и религиозных убеждений Гёте отчасти выясняются и его философские воззрения. Как восторженный обожатель природы, как ум вполне самостоятельный и полагающийся единственно на собственный

опыт Гёте не мог быть расположен к метафизике и неоднократно осмеивал ее с чрезвычайною меткостью и остроумием. Из философских систем всего более привлекали его учения Спинозы и Канта; что же касается личных философских воззрений Гёте, то они чрезвычайно приближались к положительной и эволюционной философии нашего времени. Он ставил себе за правило «исследовать все, что доступно исследованию, а на недоступное взирать с безмолвным уважением». Эта мысль прекрасно выражена в словах Фауста:

Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой – для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твердо здесь и вкруг води свой взор:
Для мудрого и этот мир не вздор.

Соответственно этому вполне позитивному взгляду смотрел Гёте и на задачи человека. Целью жизни он считал всестороннее развитие всех способностей индивида, упражнение их в борьбе с трудностями и приложение на благо себе и другим людям. Поэт превосходно выразил это воззрение в трогательном и возвышенном предсмертном монологе Фауста. Чтобы сделать этот монолог более понятным для читателя, не лишним будет напомнить вкратце содержание четвертого и пятого актов поэмы. Император, которому Фауст помог одержать победу над мятежными вассалами, дает ему в собственность часть морского берега. Для увеличения своих владений Фауст, проводя каналы и воздвигая плотины, отвоевывает себе часть морского дна и устраивает обширную страну, которая постоянно должна укреплять свои плотины, защищаясь от наводнений. Смерть застает его за осушением болот в этой стране:

Стоит болото, воздух заражая
И весь мой труд испортить угрожая:
Предотвратить гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть мильоны здесь людей живут,
Всю жизнь, ввиду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле
Стадам и людям будет здесь приволье,
Рай зацветет среди моих полян;

А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят мигом каждый в ней изъян!
Да, мне открыли долгой жизни годы
Закон, который вечно не умрет:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто ежедневно с бою их берет.
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
И я увижу, в блеске силы дивной,
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда-то я скажу: мгновенье,
Прекрасно ты! Продлись, постой!
И не сметут столетья, без сомненья,
Следа, оставленного мной!

Эти мужественные благородные слова престарелого Фауста представляют в то же время profession de foi[2] самого Гёте, неустанно работавшего всю свою жизнь и оставившего в науке и поэзии глубокие следы, которых «не сметут столетья»!

Что касается политических убеждений Гёте, то, как мы уже видели в главе XVII, он был весьма нерасположен к политике и всячески старался держаться в стороне от нее.

Как художник и мыслитель, занятый лишь высшими, отвлеченными интересами, он мало интересовался практической жизнью и мало понимал ее. Так, он не понял Французской революции, не верил в возможность близкого освобождения Германии от господства Наполеона, не мог освоиться с конституционными порядками, которые были введены в Веймаре с 1816 года. Последнее было вполне понятно при том пренебрежении к мнению *большинства,* каким отличался Гёте. Когда в 1823 году ландтаг потребовал от него отчета в употреблении денег, ассигнованных на художественные и научные учреждения, Гёте рассердился, обиделся и послал пару строк, в которых были обозначены, без всяких подробностей, общие цифры прихода, расхода и остатка. Большинство депутатов расхохотались от души, когда им прочли этот курьезный «документ», но другие рассердились, и великой герцогине стоило много труда уладить этот конфликт. Едва ли нужно прибавлять, что все счета и другие оправдательные документы были у Гёте в порядке, и что он не хотел представить их палате только потому, что не допускал недоверия к своему слову. Как мало интересовался Гёте политикой, показывает следующий факт,

сообщенный Эккерманом. Когда в Веймар пришла весть об Июльской революции (1830 год), Сорэ, один из близких знакомых Гёте, отправился к нему.

– Ну, – спросил его поэт, – что вы думаете об этом великом событии? Наступило извержение вулкана: теперь пойдут уж разговоры не при закрытых дверях!

– Страшная история, – отвечал Сорэ, – но чего же можно было и ожидать при таком министерстве? Гёте посмотрел на него с удивлением.

– Мы, кажется, не понимаем друг друга, – сказал он. – Я совсем не об этих вещах говорю. Я говорю вам о том, что произошло в Парижской академии, о споре первостепенной важности между Кювье и Жоффруа Сент-Илером.

Отвращение Гёте к политике послужило, как мы уже знаем, поводом к обвинению его в отсутствии патриотизма. Если под патриотизмом понимать не только любовь к отечеству, но и национальную ненависть, то Гёте, конечно, был плохим патриотом, так как расовая ненависть была совершенно чужда душе его. «Между нами, – говорит он Эккерману, – я никогда не ненавидел французов, хотя и радехонек был, что мы от них избавились. Да и как бы я, для которого важны только культура или варварство, мог ненавидеть нацию, чуть ли не самую цивилизованную на свете, которой я и сам обязан значительной долей моего развития?» Но при полном отсутствии, притязаний на всякую национальную исключительность, при полном отсутствии ненависти к другим нациям Гёте вовсе не лишен был чувства любви к отечеству, как не был лишен и национальной гордости. В доказательство приведем весьма замечательный разговор его с историком Луденом (1813 год). «Не верьте, – говорил Гёте, – будто я равнодушен к великим идеям свободы, национальности, отечества. Нет, эти идеи составляют часть нашего существа, никто не может отрешиться от них. И судьбы Германии я горячо принимаю к сердцу. Я часто испытывал горькое чувство печали при мысли о немецком народе, который так почтенен в отдельных своих представителях и так ничтожен в целом. Сравнение немецкого народа с другими нациями возбуждает в нас мучительные чувства, которые я так или иначе стараюсь заглушить в себе. В науке и искусстве нашел я крылья, которые держат меня выше этих чувств, так как наука и искусство составляют мировое достояние и перед ними исчезают границы национальностей. Но утешение, доставляемое ими, все-таки лишь относительное утешение; оно не может заменить гордого сознания, что принадлежишь к великому, сильному, уважаемому и грозному народу. Также утешает нас и вера в будущность

Германии, вера, которой я крепко держусь. Да, немецкий народ имеет будущность. В настоящее время, говоря словами Наполеона, судьба нашей нации еще не созрела. Если бы германцы не имели другой исторической задачи, кроме разрушения Римской империи и создания нового мира на ее развалинах, то они давно бы погибли. Но они уцелели и притом настолько еще сильны и даровиты, что им, наверное, предстоит еще что-нибудь великое, настолько же превосходящее их прежние подвиги, насколько выше стало их образование и развитие. Но времени и ситуации, в которых это произойдет, невозможно предвидеть, как нет возможности ускорить наступление этого момента. Нам, отдельным лицам, остается пока лишь увеличивать и распространять развитие нашего народа, добросовестно трудясь соответственно своим дарованиям, склонностям и общественному положению, увеличивать это развитие как в низших, так, в особенности, в высших слоях, чтобы не оставаться позади других наций, но даже стоять в этом отношении впереди их; тогда дух наш не будет падать, а останется бодрым и веселым, и мы будем способны ко всякому великому подвигу, когда наступит день славы».

Мы привели эту довольно длинную выписку, во-первых, потому что она заключает в себе истинно золотые слова, из которых ни одного нельзя выпустить, а во-вторых, потому что она вполне убедительно опровергает нелепое мнение, будто бы Гёте не дорожил судьбою своего отечества: напротив, он дорожил ею больше, чем кто-либо, и любил свою родину высшей, благороднейшей любовью.

Переходя к характеристике Гёте как художника и поэта, мы должны оговориться, что будем здесь очень кратки, так как художественная деятельность его настолько колоссальна, что о ней нужно говорить или очень много, или лишь в самых общих чертах.

Из биографии Гёте видно, что он интересовался и увлекался всеми изящными искусствами. Чрезвычайно занимала его живопись. При своей склонности к непосредственному созерцанию и изображению природы он, как мы видели, долго колебался в окончательном выборе своего художественного призвания и хотя уже с детства чувствовал себя поэтом, но сомневался, не следует ли ему сделаться живописцем. Несмотря на отсутствие настоящих способностей к рисованию, он упорно упражнялся в этом искусстве и в Риме, как мы знаем, прилагал все свои усилия в этом направлении. Также увлекался он и скульптурой и сам пробовал лепить из глины. Только после долгой борьбы он убедился, что не сделает на поприще живописи

и ваяния ровно ничего. «Из моего долгого пребывания в Риме я извлек пользу, – писал он, – я окончательно отказываюсь от мысли сделаться живописцем». Музыка также была ему весьма приятна, а в старости, особенно после сближения с Цельтером, сделалась даже его настоятельной потребностью; но степень его знакомства с музыкой и его музыкальное развитие были, по-видимому, не особенно высоки, хотя он составил «таблицу к учению о звуках» (в письмах к Цельтеру), содержащую в себе, как уверяют, весьма замечательную систему философии музыки. Настоящей сферой его художественной деятельности, помимо эстетической критики, в которой Гёте обнаруживал массу знания и вкуса, была, конечно, поэзия, – Гёте был величайший мастер слова и в особенности стиха.

Как поэт Гёте был более всего и прежде всего лириком. Лирические стихотворения его, материал для которых большей частью почерпнут из его собственной жизни, отличаются необыкновенной прелестью, правдивостью и простотой изображения, а также красотой формы. Лирическое направление преобладает и в тех его произведениях, которые относятся, собственно, к драматическому роду поэзии. Так, «Фауст», носящий название «трагедии», в сущности, должен был называться «драматической поэмой», так как состоит из ряда отдельных сцен, мало между собой связанных и имеющих часто совершенно лирический характер.

Драмы Гёте большей частью не сценичны, страдают отсутствием драматического движения, монологи действующих лиц слишком длинны и требуют от слушателя чересчур напряженного внимания. Причиной этого является стремление Гёте выразить преимущественно внутреннюю душевную жизнь своих героев, то есть и в драмах он остается по преимуществу лириком. Это происходит, впрочем, не от неспособности Гёте сообщать драматическое движение своим трагедиям. Как драматург он, конечно, вообще не может быть поставлен рядом с Шекспиром, но некоторые сцены и пьесы его показывают, что он мог бы развернуть свой драматургический талант в гораздо большей степени, чем сделал это в «Ифигении», «Эгмонте», «Тассо». Заключительная сцена первой части «Фауста» (Маргарита в тюрьме), по единогласному свидетельству критиков, полна драматической жизни и трагизмом своим производит такое потрясающее впечатление, что ее можно поставить рядом с лучшими драматическими сценами Шекспира. Драма «Клавиго», которую критика ставит не высоко в эстетическом отношении, отличается зато ясностью и сценичностью; пьеса легко читается и еще легче смотрится на сцене. Очевидно, Гёте не столько не мог,

сколько *не желал* быть писателем для театра. Медленное развитие действия, обилие лирических и иных отступлений, а также чересчур длинные описания разных подробностей характерны также и для романов Гёте. Наиболее лирический роман – «Страдания юного Вертера» – отличается также сентиментальностью. Другие романы нашего поэта гораздо более спокойны и чрезвычайно реалистичны, в особенности «Вильгельм Мейстер», то есть, собственно, его первая часть («Годы странствий»). В эпической поэзии Гёте показал себя замечательным мастером, написав «Германа и Доротею». Словом, он обнаружил громадный талант во всех родах изящной литературы, но, повторяем, наивысший – в лирической поэзии. Как романист и драматург он имеет много слабых сторон, как лирик – он безукоризнен и недосягаем.

В нашем кратком очерке мы не можем излагать содержания отдельных произведений Гёте; кто желает ближе познакомиться с ними и с критикой их, того мы отсылаем прямо к сочинениям великого поэта и к тем литературным источникам, которые указаны в предисловии к настоящей биографии. Здесь же мы ограничимся некоторыми замечаниями о капитальнейшем из произведений Гёте – о «Фаусте», и не только потому, что это произведение – лучший драгоценный камень в великолепной короне царя поэтов, но и потому что «Фауст» имеет громадное биографическое значение, на которое нельзя не обратить внимания в жизнеописании Гёте.

В литературе всех времен и народов не найдется другого произведения, которое так тесно было бы связано с жизнью автора, как «Фауст» Гёте. «Фауст», можно сказать, рос, развивался, совершенствовался и состарился вместе с поэтом. Еще ребенком, бегая по улицам Франкфурта и покупая книжки у букинистов, познакомился Гёте с легендой о «Фаусте», а странствующие комедианты, представляя кукольную комедию о докторе-чародее (как у нас на улицах представляют «Петрушку»), придали этой легенде в глазах юного поэта еще больше интереса и образности. В студенческие свои годы Гёте, как мы видели, чрезвычайно много думал о фабуле этой кукольной комедии, которая привлекала его тем более, что в стремлениях Фауста он находил много общего со своими собственными стремлениями. Как Фауст, он стремился к неограниченному знанию; как Фауст, он занимался всевозможными науками, не исключая даже магии и алхимии, которыми он одно время сильно увлекался под влиянием девицы Клетенберг и ее приятеля врача. Изображение любви Фауста к Маргарите обязано своей живостью сердечным волнениям, которыми так богата была жизнь молодого Гёте; имя

Гретхен он заимствовал из истории своей первой любви, в нравственном облике Маргариты запечатлелись, по-видимому, черты Фридерики. Как Гёте, сперва вращавшийся в среде студентов и бюргеров, впоследствии вступил в большой свет, переселившись в Веймар, так и Фауст, ознакомившись с волнениями «малого света», появляется при дворе императора; как Гёте бежит от туманного немецкого романтизма и ищет возрождения под ясным небом Италии, так и Фауст отправляется в Грецию отыскивать царицу красоты – Елену. Конечный жизненный идеал Гёте и Фауста, как читатель мог убедиться из вышеприведенных выписок, один и тот же. Словом, между стремлениями, характером и убеждениями героя поэмы и автора ее существует полный параллелизм.

Начав «Фауста» двадцати с небольшим лет от роду, Гёте окончил его менее чем за год до своей смерти; другими словами, эта колоссальная драматическая поэма создавалась понемногу и с большими перерывами в течение шестидесяти лет. Понятно, что связь разных сцен ее, написанных в разное время, не всегда достаточно ясна и непринужденна и что сцены эти не все одинакового достоинства. Отсюда не следует, однако, что в «Фаусте» отсутствует общий план, что вторая часть его, как утверждают многие, представляет нечто совершенно отдельное от первой. Нет сомнения, что план поэмы подвергался с течением времени детальным изменениям, что когда Гёте писал первые сцены, то, как Пушкин в своем «Онегине», «даль свободного романа, как сквозь магический кристалл, еще неясно различал»; но с другой стороны, по совершенно справедливому замечанию Фихоффа, «вполне достоверно, что прежде чем первая часть была окончена, Гёте уже ясно представлял себе дальнейший жизненный путь Фауста и развязку поэмы». Развязка эта предрешена уже в «Прологе на небе» и в некоторых местах первой части, как это можно доказать при подробном разборе «Фауста». Будучи связана с первой частью единством плана, вторая часть заключает в себе высказанное в предсмертном монологе «Фауста» решение жизненной проблемы, которая в первой части только поставлена. Поэтому первая часть без второй представляет лишь отрывок; но отрывок этот по своему художественному достоинству стоит в общем заметно выше второй части, носящей на себе явственный отпечаток старости поэта. Правда, и во второй части есть места, неподражаемые по силе и красоте, а с другой стороны, и первая часть не свободна от недостатков, более всего портящих вторую: она не лишена местами весьма туманного символизма и вставок, совершенно посторонних целям поэмы. Так, в первой части находится интермедия «Сон в Вальпургиеву

ночь», представляющая собой группу эпиграмм, не вошедших в сборник «Ксении». Гёте не знал, куда девать эти эпиграммы и решился наконец включить их в «Фауста». Вторая часть, впрочем, гораздо более первой грешит подобными посторонними включениями. При чтении надо уметь отделять их от сути, и это-то и составляет одно из существенных затруднений в понимании второй части «Фауста». До какой степени Гёте иногда злоупотреблял этим бесцеремонным и противохудожественным приемом, показывает история возникновения романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Роман этот составился из ряда мелких повестей, написанных в разное время; сперва эти повести были кое-как соединены общей нитью, но потом Гёте прибавил к ним еще массу всевозможного материала, чтобы не пропали даром разные недоделанные вещи, сохранявшиеся в его архиве. Таким образом возникла рукопись, которую Гёте предположил распределить в три тома; но при печатании оказалось, что рукопись была переписана слишком разгонисто, так что два последних тома вышли бы слишком тощи. Тогда Гёте, не долго думая, собрал еще листов на шесть-на восемь всяких обрывков (разные мелкие заметки, изречения и т. п.) и составил из них две главы, которые и приклеил к своему роману для утолщения его. Получилось Бог знает что; публика недоумевала и сердилась, а Гёте смеялся. Эта история наглядно показывает, как мало дорожил он мнением публики.

Нам остается обрисовать еще в кратких чертах научную деятельность Гёте. Из биографии его видно, что он чрезвычайно интересовался естественными науками: минералогией, геологией, ботаникой, зоологией (собственно, сравнительной анатомией), оптикой и метеорологией.

Как натуралист Гёте более теоретик и философ, чем кропотливый добыватель фактов. В науках, метод которых по преимуществу индуктивный, Гёте шел путем дедукции и благодаря этому, если исходная точка его была верна, достигал блестящих результатов, если же он исходил из неверных положений, – все более и более заблуждался, и тем сильнее, чем более данная наука требовала приложения индуктивного метода. Шиллер в следующих словах чрезвычайно метко характеризует направление научной деятельности Гёте (в письме к нему): «Вы ищете в природе необходимого, но ищете его на самом трудном пути, которого остерегается каждый человек более слабых сил, чем ваши. Вы берете всю природу в целом, чтобы пролить свет на отдельные ее части; во всеобщности всех родов явлений ищете вы основ к объяснению всего индивидуального».

В минералогии Гёте был очень хорошим для своего времени

знатоком минералов и горных пород, а в геологии – рьяным противником вулканизма. Здесь он более симпатизировал нептунической теории Вернера. Как в политике революции и войны были противны душе Гёте, так и в истории развития земной коры он не хотел признать видной роли за внезапными изменениями и переворотами.

Чтоб росли, цвели природы чада,
Переворотов глупых ей не надо,—

говорит он устами «Фауста». Гёте склонялся скорее к допущению медленного и постепенного изменения Земли преимущественно под влиянием вод океана, приближаясь в этом отношении к тому взгляду, который впоследствии мастерски был развит Лайелем и получил общее признание в науке.

Если в минералогии и геологии Гёте лишь был au courant[3] современного ему состояния науки и довольствовался тем, что составил себе самостоятельное теоретическое представление о развитии неорганического мира, то в биологии он был творцом новых теорий и открыл некоторые замечательные факты общего характера. В ботанике он много занимался учением о метаморфозе растений и пришел к теории, по которой разные части цветка: чашечка, венчик, тычинки, пестики, – представляют собою не что иное, как видоизменение одного и того же основного органа – листа. Таким образом, он установил единство плана в строении различных органов растения. Подобная идея была высказана уже ранее знаменитым эмбриологом Каспаром Фридрихом Вольфом, но Гёте впервые развил эту идею в стройную теорию, которая впоследствии была оценена ботаниками и принесла большую пользу науке. Что касается зоологии, то Гёте увлекался преимущественно такой, казалось бы, сухой ее частью, как учение о костях (остеология), стараясь найти единство плана в строении некоторых частей скелета, а также и в строении различных животных. Результатами этих исследований были открытие межчелюстной кости у человека, позвоночная теория черепа, трактат о метаморфозе животных и множество заметок под общим заглавием «О морфологии», – заметок нередко весьма замечательных и ценных. Что касается парной межчелюстной кости, которая помещается между обеими челюстями и несет в себе резцы (у млекопитающих), то отсутствие этой кости у человека (резцы у него помещаются в верхнечелюстных костях) считалось современными Гёте анатомами одним из важнейших отличий человека от животных. Ввиду общего сходства организации человека и других

млекопитающих Гёте, согласно своей идее о единстве плана в строении близких организмов, предположил, что кость эта должна быть и у человека. И действительно, сравнивая между собой множество человеческих черепов, он нашел в некоторых из них межчелюстную кость. Важное открытие это было столь неожиданно, что его не сразу признали анатомы. В настоящее время мы знаем из истории развития, что межчелюстная кость *всегда* бывает у человека в зародышевом состоянии, но вскоре сливается с верхнечелюстною; таким образом, присутствие отдельной межчелюстной кости во взрослом человеческом черепе сводится к случайной местной задержке развития. Если находка этой кости у человека представляет собою замечательное открытие, сделанное нашим поэтом путем дедукции, то еще более интересна с философской стороны его позвоночная теория черепа. По этой теории череп есть не что иное, как видоизмененное продолжение позвоночного столба, с которым он устроен в основном по одному общему плану, то есть состоит из нескольких частей, лежащих в ряд одна за другой и представляющих собой черепные позвонки. Теория эта высказана была также Океном, который даже оспаривал у Гёте первенство, – но есть несомненные доказательства, что Гёте первый пришел к позвоночной теории черепа, хотя Окен ранее его опубликовал свои мысли. В новейшее время эта теория подверглась значительным изменениям со стороны различных ученых (Гегенбаур, фон Виге, Дорн и другие), так что стала почти неузнаваемой. Здесь не место излагать подробно современное состояние этой теории; укажем только, что хотя существование костяных позвонков в черепе в настоящее время и отвергнуто, но голова считается все-таки видоизмененным продолжением туловища, представляющим в зародышевой жизни, еще ранее образования скелета, расчленение, сходное с расчленением туловища. Теория Гёте была, во всяком случае, необходимой ступенью в развитии этого воззрения на череп и, следовательно, сослужила важную службу науке. Основная идея его, что голова и туловище обнаруживают в своем строении один общий план, оказалась верной.

В трактате о метаморфозе животных и в своих заметках «О морфологии» Гёте высказал множество метких и глубоких мыслей об изменении организмов под влиянием внешних условий, о соотношении (корреляции) органов, о постепенном совершенствовании животных видов, о составе сложного организма из многих до известной степени самостоятельных частей и так далее. Многие из этих мыслей предвосхищают различные положения современной нам эволюционной теории, но

изложены настолько общо и туманно, что являются скорее гениальными предугадываниями, чем зачатками научной теории.

Гораздо менее удачна была деятельность Гёте по части физики. Как художник и страстный любитель живописи он чрезвычайно интересовался учением о цветах. Ньютоновская теория, по которой белый свет есть результат смешения цветных лучей солнечного спектра, казалась ему неестественной. На основании нескольких наблюдений и опытов Гёте пришел к убеждению, что белый цвет – простой и однородный и что все другие цвета происходят через смешение света и темноты. Если, например, источник света находится позади полупрозрачной среды различной плотности, то просвечивающие лучи будут, смотря по плотности среды, от желтого до красного цвета; если же сквозь освещенную полупрозрачную среду просвечивает темный фон, то получаются оттенки синего цвета. Все эти явления вполне объясняются, однако, и Ньютоновой теорией, а с другой стороны, есть много явлений, необъяснимых по теории Гёте. Поэтому Гётева цветовая теория не имела никакого успеха как раз среди лиц, компетентных в физике, хотя ею увлекались некоторые художники, философы и проч. Привыкнув к недоверию и к непониманию своих научных трудов не только со стороны публики, но и со стороны ученых педантов, медливших с признанием его открытий даже в тех случаях, когда истина была на его стороне, Гёте считал себя правым и в своей цветовой теории и даже ставил себе в особенную заслугу, что он будто бы один среди своих современников нашел ключ к истинному пониманию цветовых феноменов. В этом случае он жестоко ошибся. Неверна была его исходная точка: признание света и темноты за два равноправных фактора в произведении цветов, между тем как темнота не есть что-либо положительное, а лишь простое отсутствие света. Весьма несовершенны были также и методы исследования, которыми Гёте пользовался в физике, – науке, требующей точной и нередко весьма сложной обстановки опытов. Вообще, Гёте в физике был не в своей сфере. Он имел большой талант как *наблюдатель,* но являлся плохим *экспериментатором* и не знал математики; между тем физика есть наука именно наполовину экспериментальная, наполовину математическая, а прямое наблюдение играет в ней сравнительно менее значительную роль. Вот почему он пришел к ложному представлению о причинах цветовых явлений и построил неудачную теорию.

В метеорологии Гёте был ревностным последователем Говарда и написал, кроме ряда заметок об атмосфере и облаках, очерк учения о погоде.

Из обзора научной деятельности Гёте видно, что особенно плодотворны были его труды в ботанике и зоологии, то есть в науках, изучающих организованную природу. Заслуги его в этих науках пользуются общим признанием, которого не могли подорвать нападки некоторых ученых (например, Дюбуа-Реймона). Теория метаморфоза растений, открытие межчелюстной кости у человека, позвоночная теория черепа всегда останутся ценным вкладом в науку, – вкладом, заставляющим признать, что по крайней мере в биологии Гёте не был простым любителем, дилетантом, но явился настоящим ученым и носителем новых, плодотворных идей.

Заканчивая нашу характеристику Гёте как деятеля на поприще наук и искусств, мы не можем не указать еще раз на поразительную многосторонность этой деятельности. Баловень судьбы, в течение всей своей долгой и счастливой жизни неустанно стремился он развивать и использовать свои роскошные дарования, и результатом этих стремлений было достижение такого гармонического развития, такого совершенства, какое только доступно человеку. Пусть говорят, что он занимался наукой в ущерб поэзии; пусть он сам иногда жалел об этом, – счастье для человечества, что в жизни своей он всегда следовал внушениям своего многостороннего гения! Его упрекали ведь и в том, что он слишком заботился о развитии своего художественного вкуса и не удовлетворялся тем непосредственным поэтическим наитием, под влиянием которого были созданы «Гец» и «Вертер». Если бы он ограничился непосредственным поэтическим творчеством и зарыл в землю другие свои таланты, он был бы, конечно, все-таки велик, но гений его можно было бы сравнить с диким, необделанным, хотя и громадным алмазом: лишь путем долгой трудолюбивой обработки алмаз этот превратился в бриллиант ослепительной красоты, отразивший своими многочисленными гранями весь чудный Божий мир и весь духовный мир человека!..

Нечего и говорить, конечно, что Гёте составляет вечную гордость и славу Германии, которая чтит своего величайшего поэта и заботливо изучает богатое литературное наследие, оставленное им потомству. Сочинениям его посвящена громадная литература, а в 1885 году учреждено в Веймаре «Гётевское общество», специально занимающееся изучением всего относящегося к жизни и творениям Гёте и состоявшее уже в 1886 году из двух с половиной тысяч человек. С 1880 года издается «Гётевский журнал», который перешел в ведение «Гётевского общества»; дом Гёте в Веймаре превращен в Гётевский музей. Но творения Гёте не остаются достоянием одной Германии: их

читают и изучают во всех цивилизованных странах, и главнейшие из них переведены почти на все европейские языки, иногда по нескольку раз. «Вертер» существует, например, в 20 переводах на французский язык; русских переводов первой части «Фауста» насчитывается девять, а второй части – четыре. Уже одно обилие этих переводов – достаточное доказательство огромного общечеловеческого интереса бессмертных творений Гёте.

notes

Примечания

1

«Вот это человек!» *(фр.)*.

кредо *(фр.)*.

3

в курсе *(фр.)*